

ИНЕССА ДАВЫДОВА

И РАССТАВИЛ
ПАУК
СВОИ СЕТИ

Инеcса Давыдова

И расcтавил Паук свои сети

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Давыдова И. Р.

И расставил Паук свои сети / И. Р. Давыдова — «ЛитРес: Самиздат», 2011

ISBN 978-5-5321-0944-5

Вернувшись в Москву после трехлетней работы под прикрытием Герман Патрикеев получает необычное задание от шефа - установить причины внезапного самоубийства полковника юстиции Архангельского. Начав расследование, он понимает, что самоубийство связано с недавно пойманным маньяком по кличке Паук. Схема преступлений заранее спланирована, рассчитана до мелочей и поражает своей масштабностью. Лишь необыкновенная интуиция и проницательность дают герою возможность распутать череду на первый взгляд не связанных между собой событий.

ISBN 978-5-5321-0944-5

© Давыдова И. Р., 2011
© ЛитРес: Самиздат, 2011

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Необычное поручение	10
Глава 2. Метка Паука	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дизайн обложки Гогия Виталий

Исходник: Лицензия # 136999150 ID22921104 Martin Mark Soerensen

<https://ru.depositphotos.com/22921104/stock-photo-man-male-beauty-portrait.html>

Пролог

Через приоткрытое окно с улицы доносился металлический скрежет мусороуборочной машины, который отвлекал и мешал сосредоточиться на цифрах. Полковник Архангельский закрыл окно, выключил мобильный и выдернул из розетки вилку внутренней линии связи. Время неумолимо приближало его к совещанию, а ему никак не удавалось свести показатели по области за квартал. Алексей Сергеевич тяжело вздохнул. Мысли, как бродячие псы, слонялись где угодно, только не в сводной таблице по раскрываемости. С самого утра, словно предчувствуя беду, сердце разрывалось от тоски. Вспоминалось детство, особенно та его часть, в которой еще присутствовал отец.

«Накатить бы сейчас стопочку коньяку с Валеркой да поговорить за жизнь», – подумал Алексей Сергеевич, глядя на фотографию старшего брата.

Валерий Сергеевич, генерал-полковник, директор Федеральной службы исполнения наказаний, время для их встреч находил не часто. А после того как мать поселилась в его загородном доме, их встречи и вовсе прекратились. Сейчас Алексей Сергеевич даже затруднялся вспомнить, когда же они виделись в последний раз.

«На крестинах внука! Точно... Как же давно это было...»

Настойчивый стук в дверь заставил полковника отвести взгляд от разложенных на столе бумаг. В кабинет заглянул рыжеволосый дежурный по канцелярии лейтенант Долгин и скороговоркой произнес:

– Алексей Сергеевич, еще раз здарсьте. Что у вас с телефоном? Не могу дозвониться.

Долгин своей рыжей шевелюрой походил на Антошку из одноименного мультфильма – тот же сноп торчащих волос, веснушки, задиристый нрав и простодушное обаяние.

Архангельский поднял трубку – проверить, есть ли гудок, и вспомнил:

– Я же его отключил.

– Ой... да... забыл... вы же готовитесь к совещанию. Я чего хотел... вас просят пройти в комнату для допросов.

– Кто? – недовольно буркнул полковник. Архангельский не любил, когда его отвлекали во время подготовки отчета, написание которого ему и без того давалось, словно заведомо спорное завещание на смертном одре.

– Терентьев, – уточнил Долгин.

– Рогова допросили?

– Допрос еще не закончен, товарищ полковник. Сейчас задержанный беседует со своим адвокатом, – протараторил Долгин уже более официальным тоном.

Архангельский чуть нахмурился, припоминая детали громкого дела, которое вел майор Терентьев. Серийный насильник и убийца Рогов, которого в правоохранительных органах прозвали Пауком, годы благополучно уходил от рук милиции, пока, наконец, не был пойман с поличным. Взглянув на часы, полковник зафиксировал, что повторный допрос Паука длился почти два часа, и, если Терентьев просит присоединиться, значит, в деле появились новые детали.

– Скажи, сейчас буду, – отозвался Алексей Сергеевич и пальцами зачесал назад волнистые, с проседью волосы.

Полковник убрал бумаги в ящик стола, застегнул пуговицы на кителе и вышел в коридор. Увалистой походкой пересек узкий коридор и стал спускаться по лестнице. Коллеги здоровались с ним за руку, улыбаясь. В Следственном управлении полковника называли Архангелом, отчасти из-за фамилии, отчасти за отзывчивость и готовность всегда прийти на помощь. Сам он это прозвище не любил и хмурился, когда его слышал.

На ходу он вспоминал, как три дня назад, во время задержания опергруппе удалось спасти последнюю жертву Паука. Сейчас женщина была под присмотром врачей, но из-за перенесенных издевательств ни с кем не говорила. Кардинально ее показания ничего бы не изменили – доказательного материала на маньяка было собрано достаточно, но она могла рассказать детали преступления, которые убийца утаил.

Спустившись по лестнице на первый этаж, полковник дошел до конца коридора и увидел борцовскую фигуру Михаила Терентьева. Майор курил, прислонившись к стене, и внешне казался совершенно спокойным, но наметанный глаз полковника сразу подметил ослабленный узел галстука и растертые докрасна еще в юности сломанные уши.

– Ну? – Архангельский остановился в шаге от друга, демонстративно отгоняя рукой сигаретный дым. – Зачем звал?

Терентьев пальцами затушил сигарету и молча качнул головой в сторону ближайшего кабинета. Когда они вошли, майор плотно прикрыл дверь и быстро заговорил. Глаза его горели, а голос от волнения периодически срывался.

– Сам заговорил! Я начать не успел, а он все как на духу!

– Он подписал показания? – дождавшись кивка майора, Архангельский с облегчением выдохнул. – А теперь в двух словах.

– Его интересовал определенный типаж жертвы: красивая, молодая и, главное, – должна быть женой или близкой родственницей высокопоставленного чиновника.

– Ну, положим, мы это и без него знали, – сказал полковник, тяжело опускаясь на скрипучий стул.

Он еще помнил, как на стоянке Управления то и дело появлялись машины представительского класса с сопровождением, на некоторых из них даже красовались правительственные номера. Чиновники требовали бросить все ресурсы на поиск пропавших родственников и поимку маньяка, который, как фокусник, из раза в раз исчезал из расставленной ловушки.

– Где он их держал?

– Это частные дома в дачных поселках, где зимой почти никто не живет.

– Дальше...

– ...насиловал, пока не забеременеет. Потом запугивал обещанием найти, если вздумает кому-то рассказать, и отпускал с одним условием – сохранить ребенка. – Терентьев сделал короткую паузу, набираясь решимости сообщить про самое ужасающее в деле Паука. – Если жертва не беременела, он с ней жестоко расправлялся. Большой урод дифференцированно подходил к этому делу. Убивал в зависимости от причиненных ему огорчений! Кого-то сразу, а кого-то неделями истязал!

– Поэтому убийства были такими разными, и мы не сразу поняли, что это один и тот же человек, – вспомнил вывод следственной группы Архангельский.

– Рогов сказал, что одни женщины вызывали у него сочувствие, но были и откровенно бросавшие ему вызов. Один раз, как сам выразился, он даже испытал к жертве глубокую симпатию, но правила есть правила – она не забеременела и через три месяца, цитирую: «Я, любя, задушил ее подушкой».

– Понятно. А где остальные тела?

Майор вынул из кармана пиджака листок бумаги, протянул полковнику и на автомате потянулся за сигаретой. Полковник бросил на него упреждающий взгляд. Прорывав, словно лев, которому после изнурительной охоты не дают насладиться собственной добычей, Терентьев закатил глаза к потолку, но все же убрал пачку сигарет в карман пиджака.

– Сколько ты уже не куришь?

– Месяц держусь, – ответил Архангельский и развернул листок. – Что это?

– Список всех убитых Роговым женщин.

– Что?! – Полковник уставился на длинный перечень имен и фамилий. – Сколько их?

– Двадцать две. Это только список убитых.

Архангельский наспех пробежался по списку жертв и многозначительно взглянул на Терентьева.

– Представляю, каким будет список беременных...

– И, как ты понимаешь, даже если он их назовет, они вряд ли пойдут на сотрудничество. Никто не захочет выносить такое наружу... А их высокопоставленная родня... – не договорив, Терентьев резко махнул рукой.

– Подумать только, сколько детей от этого маньяка живут сейчас внутри семей, как птенцы кукушки, и отцы ни сном ни духом. Он рассказал, где спрятал тела?

– Прежде чем он назовет места захоронения, у него есть два условия...

– Какие еще условия?! Ты много таких списков видел?! Вот такой вот длины?!

– Он просит, чтобы раз в неделю его осматривал врач, мол, болеет чем-то хроническим и хочет до суда дожить. Это первое.

Архангельский кивнул, жестом руки поторапливая майора.

– И второе – он хочет поговорить с тобой лично. Без свидетелей.

– Со мной? О чем? – удивился полковник, его кустистые брови взлетели вверх, отчего лоб стал похож на гармонь. – Странно, – Архангельский обернулся на шум голосов в коридоре, – дело курирует Логинов, я его не вел и ничего тут не решаю.

– Может, он знает про высокий пост твоего брата?

– Может, – допустил полковник и после паузы спросил: – А защита не против? Напомни-ка, кто у него адвокат?

– Наталья Демидова.

– Не слышал о такой.

– Молодая девчонка. Как только не побоялась взять такого клиента? Ведь она с ним наедине не один час оставалась.

Потерев подбородок, полковник поразмыслил и решительно произнес:

– Я поговорю с ним. Послушаю, что он там надумал для себя выторговать.

Они вышли в коридор. Терентьев тут же с нетерпением закурил, всем своим видом давая понять, что воздерживаться от дурной привычки больше не намерен. Архангельский скрылся за дверью комнаты для допросов.

Через полминуты в коридор вышла высокая девушка спортивной фигуры с длинными волнистыми волосами цвета ржавчины. На ней были элегантный брючный костюм в мелкую серую полоску и белая блузка. Это была Демидова, адвокат Паука. Улыбнувшись Терентьеву, она подошла к нему и, вытащив из сумочки тонкую длинную сигарету, томно спросила:

– Не дадите девушке прикурить?

Майор расплылся в дерзкой улыбочке и потянулся за зажигалкой. Демидова ему нравилась: бойкая, самоуверенная, за словом в карман не лезет. Стоило ей поднять глаза на своего клиента, как тот из удава превращался в кролика.

Адвокат прикурила и едким тоном осведомилась:

– Боюсь показаться навязчивой, но где я могу выпить воды? В горле пересохло после вашего вопроса с пристрастием.

– Хм... так уж и с пристрастием... – скопировал ее манеру разговора Терентьев и качнул головой в сторону лестницы.

Через полчаса в прокуренном кабинете Терентьева адвокат притушила третью сигарету в пепельнице и посмотрела на свои золотые часы с бриллиантами.

– Продолжим допрос? Хоть у меня это и первый клиент, дел от этого не меньше.

Терентьев тоже посмотрел на висящие над дверью офисные часы, вскочил как ужаленный и воскликнул:

– Забыл про Архангела! – Он галантно вывел Демидову из кабинета и побежал вниз по лестнице, предвкушая, что полковник сейчас изложит суть просьбы задержанного.

Заглянул в комнату для допросов, но, кроме Рогова и охраняющего его Софиева, там никого не было. Увидев майора, Паук злобно осклабился, его лицо, похожее на восковую маску, перекошилось. Крепкое, жилистое тело никак не вязалось с его возрастом – по паспорту Пауку было за шестьдесят. Он выделялся своей могучестью даже на фоне богатырской фигуры лейтенанта. Слегка сощуренные карие глаза смотрели на майора пронизывающе-колючим взглядом, от которого хотелось врезать извергу промеж глаз. Майор живо представил, как в считанные секунды расправляется с противником на татами, и от этой воображаемой картины ему немного полегчало.

– Где полковник? – быстро спросил Терентьев у вскочившего при его появлении лейтенанта.

– Ушел. – Софиев покосился на Рогова и добавил: – Минут десять назад.

Губы задержанного дрогнули и расплылись в мерзкой улыбке.

Терентьев выскочил в коридор и двинулся в сторону кабинета полковника. Самодовольная ухмылка Паука навязчиво вертелась перед глазами, распаляя любопытство майора. Что же он сказал полковнику? Зачем ему понадобился именно Архангел?

Когда он проходил мимо выходящего на служебную стоянку окна, на улице прогремел выстрел. От неожиданности Терентьев вздрогнул и быстро огляделся по сторонам.

– Кто стрелял?! – крикнул он в пустоту коридора, в надежде, что кто-нибудь его услышит.

Терентьев рванул на стоянку и едва не столкнулся с вбегающим в здание Долгиным. Его и без того непослушные волосы стояли торчком, как после удара током. В глазах читался ужас. Еле переводя дыхание, он с отчаянием выпалил:

– В машине!

– Кто стрелял?!

– Кто стрелял? – растерянно повторил лейтенант и тут же ответил: – Архангельский!

– В кого?!

– В кого? Он... там... он... застрелился!

Оттолкнув растерянного сотрудника, Терентьев выбежал из здания. Рядом с машиной Архангельского, картинно заламывая руки, стояла сотрудница бухгалтерии. Ее остекленевший взгляд был прикован к безжизненному телу полковника. Первое, что увидел Терентьев, на нем была кровь вперемешку с частицами мозгового вещества. От выстрела окровавленная голова полковника впечаталась в боковое стекло, демонстрируя выходное отверстие от пули, которая пробила стекло и отлетела к ногам оцепеневшей женщины. Тонкие струйки крови капали на телефон, который полковник в предсмертной судороге крепко сжал в ладони.

Не в силах пошевелиться, Терентьев почувствовал, как сдавило дыхание, к горлу подкатил ком. Все окружающие звуки словно перешли на низкую частоту, отчего он не узнавал голоса своих коллег, быстро прибывавших на служебную стоянку. Чья-то рука тяжело опустилась на плечо, майор медленно повернул голову. Рядом стоял его непосредственный начальник, полковник Логинов и отдавал приказы.

Глава 1. Необычное поручение

Самолет летел где-то над Атлантикой. Герман Патрикеев открыл глаза и потянулся, прогоняя остатки сна. Опять кошмар. Все тот же... снова и снова. Память, как зудящий нарыв, настойчиво напоминала ему то, что он так тщательно старался забыть. Даже проснувшись, он все еще слышал голоса товарищей, автоматную очередь и раздражающий сознание посвист пуль над головой. Последние три года ему не снились сны о настоящем, будто его и вовсе не было. Всем, кто его окружал в повседневной жизни, не находилось места в его сновидениях. Ночью его настоящая личность одерживала победу, а созданная Легенда отступала во тьму.

Герман огляделся по сторонам. Почти все пассажиры спали. Только редкие рассеянные пучки направленного с потолка света подсказывали, что кто-то, как и он, страдает бессонницей. В последнее время она стала навязчивой, бросающей в холодный пот и доводящей сознание до расщепления на множество личностей, которыми ему когда-то приходилось быть. С ней он вынуждено познал состояние забвения, а порой не понимал, кто он и где находится.

Он встал и, держась за спинки кресел, пошел по проходу. Открыл дверь туалета, втиснулся в узкий застенок между унитазом и маленькой раковиной с висящим над нею зеркалом. Яркие, но холодные лампы осветили худощавое лицо. Покрасневшие от постоянного недосыпа глаза устало смотрели на него из-под тяжелых припухших век, напоминая об Александре Высоцком, в шкуру которого ему пришлось влезть на долгих три года. Он надеялся его оставить в глухой венесуэльской деревушке, но, видимо, не смог. Прикипел. Высоцкий здесь, смотрит на него из глубины сознания и ухмыляется. Так кто же он в данную минуту? Брутальный и безбашенный байкер, не имеющий даже школьного аттестата, у которого нет никого на белом свете, или интеллектуальный, образованный, замкнутый разведчик, имеющий дочь и жену, правда, теперь уже бывшую?

«Алессандро», – прозвучал над ухом до боли знакомый страстный женский шепот. Его даже передернуло. Быстрыми движениями проворных пальцев он поправил черные как смоль волосы, несколько раз сполоснул холодной водой лицо и тут же почувствовал прилив энергии – в этом самолете даже вода пахла по-другому. Он решил: «Нужно выспаться, постричься и это недоразумение... – дернул правую бакенбарду, – сбрить к чертовой матери!»

Отсутствие туалетной бумаги окончательно восстановило порядок в голове – родина! Уже улыбаясь, Герман с облегчением выбрался из «мечты клаустрофоба» и вернулся к своему месту. Его сосед тоже проснулся и читал журнал. Герман взглянул мельком на обложку. «Охота и рыбалка» – любимый журнал Батяни, верного друга и самого старшего из его прежней разведгруппы.

Сосед окинул Германа оценивающим взглядом и задал избитый вопрос:

– Сколько нам еще лететь?

– Четыре часа. – Герман отвернулся к иллюминатору и сделал вид, что спит.

После трех лет разлуки его волновала предстоящая встреча с семьей. Он безумно соскучился по дочке и, конечно, по Лере, с которой был официально в разводе, но чувства к ней от этого не угасли. Наоборот, познав жизнь с другой женщиной, пусть даже ради задания, он понял, каким был глупцом, что не удержал жену. Согласие на развод он дал сгоряча, что было совсем на него не похоже, перед самым отъездом на последнее задание группы, когда Лера окончательно поставила его перед выбором – либо работа, либо семья...

Его сосед снял очки, аккуратно сложил их в футляр, откинулся в кресле и закрыл глаза. Герман же размышлял о работе. Что его ждет в Управлении? Он не понимал, почему его отозвали в самый разгар операции, которую он готовил несколько месяцев, но повод должен быть очень серьезным, раз шеф, а возможно, руководство повыше, рискуя его прикрытием, отозвало агента прямо перед захватом цели. Германа это не просто насторожило, а до жути разозлило. С

дикими воплями он кромсал все подряд в деревенской лачуге, пока не выпустил пар. Три года напряженной и выматывающей работы, наконец-то он у цели, и какая-то конторская крыса решает его отозвать.

Зажглось табло «Пристегните ремни», самолет несколько раз тряхнуло. Мелодичный голос стюардессы на английском, испанском и русском языках сообщил, что самолет вошел в зону турбулентности, необходимо пристегнуть ремни. Сосед открыл глаза и усмехнулся:

– Похоже, уснуть нам сегодня так и не удастся.

Вместо ответа Герман сдержанно улыбнулся и потянулся к ремню безопасности...

После прохождения таможенного контроля в Шереметьево Герман, один из последних пассажиров рейса Мехико—Москва, подошел к транспортеру, на котором одиноко катались две его сумки и чемодан. Ловким движением он срезал багажные бирки, положил их в карман куртки и направился с потоком пассажиров к выходу.

Не обращая внимания на призывные скороговорки наседавших на него таксистов, вышел из здания аэропорта и уверенно направился в сторону автобусной остановки. Весеннее солнце застенчиво скрывалось за серыми дождевыми тучами, даже отдаленно не напоминая тот обжигающий желтый круг, к которому Герман уже успел привыкнуть. Но что-то было в этих лужах под ногами, в этой, словно повисшей в воздухе, холодной мороси, в родных буквах на вывесках, старательно информирующих что, кому, куда. Что-то такое, отчего на душе теперь во всю ширь разливалось родившееся еще в самолете осознание: – я дома!

Дождь медленно набирал силу. На остановке в ожидании рейсового автобуса несколько человек сбились в кучку под полупрозрачным козырьком из пластика. Вид у них был изнуренный, как после тяжелой рабочей недели в забое, и Герман поймал себя на мысли, что успел отвыкнуть от вечно недовольной серой московской массы без намека на улыбку. Он уложил сумки на чемодан и закурил, незаметно оглядывая стоящих рядом людей и от безделья строя догадки, кто есть кто. Его цепкий взгляд выхватывал красноречивые детали, которые складывались в общую картину.

Внимание Германа привлек подъехавший к остановке «бентли-арнаж» черного цвета с тонированными стеклами. Он еле заметно улыбнулся, затылком чувствуя направленные ему в спину молчаливые взгляды, и показал на свой багаж. Коренастый водитель «бентли» в строгом черном костюме без вопросов погрузил сумки и чемодан в багажник, засек время на своих часах и отошел в сторону.

Герман понял, что шеф хочет начать разговор наедине, и от этой мысли ему стало не по себе. За три года он не забыл крутой нрав генерала и его пронизательный, как рентген, взгляд. Он открыл пассажирскую дверь и заглянул в салон. Шеф, как обычно, сидел на заднем сиденье, с интересом водя пальцем по экрану смартфона. Увидев Германа, он нахмурился и недовольно проговорил:

– Ну, чего встал?! Залезай, а то всю обивку намочишь!

У Германа на душе сразу отлегло – ворчание шефа должно было означать, что он рад видеть его живым и невредимым, а значит, отзыв с финальной стадии операции – не наказание.

– И я рад вас видеть, – усмехнулся Герман, мягко захлопнул спружинившую дверь и протянул шефу руку.

– Патрик собственной персоной! – ехидно произнес шеф и пожал ему руку.

– Давно меня так никто не называл, – с улыбкой заметил Герман, – не ожидал сегодня вас увидеть. Думал, встретимся завтра в Управлении.

– Хотел лично убедиться, что ты в порядке и готов к дальнейшей службе. – Шеф поджал губы и одарил подопечного своим коронным пристальным взглядом.

– Убедились?

Николай Иванович ответил вопросом, в котором насмешки было не меньше:

– Бакенбарды? Ты прибыл из семидесятых?

- Местная традиция, – отшутился Герман.
- Ой, что-то я сомневаюсь, скорее это пристрастие Марии.

При упоминании имени «подружки» Герман плотно сжал губы. Николай Иванович продолжал буравить разведчика пронизательным взглядом. Глаза на секунду вспыхнули, и Герман понял, что от шефа по-прежнему ничего не скрыть. Генерал взял паузу, во время которой отправил сообщение, затем повернулся и без всяких политесов заметил:

- Плохо выглядишь.
- Ерунда, отосплюсь и приду в норму.

Герман тоже внимательно изучил лицо шефа и понял, что сейчас самый подходящий момент, чтобы задать главный вопрос.

- Николай Иванович, почему меня отозвали?

– Потом. – Шеф многозначительно посмотрел на только что вернувшегося в машину водителя и протянул Герману пакет: – Произведем обмен?

Герман вскрыл пакет и обнаружил новенький российский паспорт на свое настоящее имя, водительское удостоверение и кредитную карту московского банка.

«Так... Видимо, я сюда надолго», – с облегчением сделал вывод Герман, достал из другого кармана только что проштампованный на таможенном контроле заграничный паспорт на имя Александра Высоцкого и положил в пакет. Туда же отправилось все, что могло хоть отдаленно напоминать о его пребывании в Венесуэле: чеки из аэропорта, бирки от багажа и даже венесуэльские сигареты, к которым он за последние три года успел сильно привыкнуть.

Генерал спрятал пакет в потайном отсеке подлокотника. Водитель посмотрел в зеркало заднего вида и спросил:

- Николай Иванович... куда?

– На Тверскую. – Коновалов перевел хмурый взгляд на Германа. – Поживешь несколько дней в отеле.

Все же что-то было не так! Обычно после задания Германа держали несколько дней в «шлюзе» – месте, где агент проходит адаптацию. Неужели он прокололся? А может, кто-то из связных засек его ночные глюки? За ним наверняка приглядывали.

По дороге в гостиницу Герман продолжал поглядывать на шефа. Тот не изменил своим привычкам: черный приталенный двубортный костюм, шелковый серый галстук и белоснежная рубашка. На левом мизинце поблескивало кольцо с рубином, а в правой ладони шеф сжимал свою любимую трость с серебряным набалдашником в виде львиной головы, которая большую часть времени просто висела на руке. По словам генерала, трость досталась ему от отца, а тому – от деда и была настоящим раритетом.

- Верны привычкам? Все тот же конь. – Герман взглядом обвел салон «бентли».

– Я не изменяю марке, но эта машина совершенно новая, сделана на заказ. Еще не выветрился заводской запах, – с потаенной гордостью произнес шеф, шумно втянул носом и повел бровями.

– А куда прежние деваются? – спросил Герман и тут же добавил: – Ах, да! Чуть не забыл: достаются какой-нибудь доброй самаритянке с разбитым сердцем, но светлыми надеждами на будущее.

- Я скучал по твоему сарказму, – сдержанно отреагировал шеф.

- Могу еще, – не удержался Герман, сознавая, что ходит по острию ножа.

– Спасибо, обойдемся. – Генерал вновь достал смартфон и, ловко тыкая пальцем в экран, добавил: – Ты пока видами любуйся. Изменилась Москва, не узнать.

Остаток пути они проехали молча. Герман с любопытством разглядывал новые столичные постройки и подметил, что за три года Москва разрослась, а пробок стало еще больше. Несмотря на весну в самом ее разгаре, небо окончательно заволочло серыми тучами, и город

показался по-зимнему мрачным и унылым. Подъехав к отелю, машина остановилась перед парадным подъездом, и швейцар услужливо открыл перед шефом дверь.

– Я буду в ресторане. Приведи себя в порядок и спускайся. У нас здесь встреча, – сказал шеф и, выйдя из машины, направился в отель.

– У нас? – переспросил Герман.

Ответом был протянутый водителем сложенный в прозрачный чехол костюм-тройка.

Герман подошел к стойке рецепции и протянул приветливо улыбающейся девушке-администратору новенький паспорт.

– На мое имя забронирован номер.

Улыбка стала еще шире, и администратор вывела на монитор список забронированных номеров.

– Добро пожаловать, Герман Всеволодович. Ваш электронный ключ от номера и купоны на бесплатные услуги отеля, – протянула она ему конверт.

– Благодарю. – Герман проигнорировал конверт, взял только ключ.

Осмотрев номер-полулюкс, он быстро принял душ, побрился, с наслаждением стерев с лица бакенбарды. Переделся в деловой костюм, стоимость которого даже на глазок заметно превышала его трехмесячный оклад. Застегнув ремень на брюках, посмотрел на свое отражение в зеркале, поправил невидимые складки и довольно улыбнулся. Подарок генерала был что надо.

Рабочий график Николая Ивановича был расписан по минутам, и он старался не допускать его корректировки. Зная почти болезненную щепетильность шефа в рабочих вопросах, Герман торопливо спустился на первый этаж. Но перед дверью в ресторан отдышался и вошел в него уже размеренным шагом.

В просторном зале молодая женщина в длинном концертном платье играла на фортепьяно какую-то классическую пьесу. Блестки на ее платье переливались в такт музыке, приковывая взгляды немногочисленных посетителей. Шеф сидел за барной стойкой и пил минеральную воду с дольками лайма. Он махнул Герману рукой и показал на рядом стоящий стул.

– Ну, теперь можно и поговорить. Как долетел?

– Нормально.

– Правильно сделал, что вернулся через Мексику.

– Угу. Так кого мы ждем? – спросил Герман, садясь рядом с шефом.

– Этому человеку нужна помощь. Я его должник и надеюсь, ты сможешь мне расплатиться, а ты знаешь, как я не люблю быть должником, – со вздохом ввел его в курс дела шеф.

– Не вопрос. – Герман сделал знак бармену, чтобы тот налил ему пива.

«Не из-за этой ли встречи я в Москве?»

Генерал хмуро посмотрел на бармена, потом на своего подчиненного.

– Рановато для пива. Мне сейчас твои мозги нужны, а не сопли.

– Все в норме, – отмахнулся Герман. – Мозги заработают еще быстрее. А пока мы одни, может, расскажете, почему меня вытащили в разгар операции, которую я, как слониха, вынашивал несколько лет? И раз уж у нас беседа по душам, хочу напомнить, что мы на такой срок не договаривались. Речь шла о пяти месяцах, но, видимо, у кого-то в Управлении с математикой туго. С чего это вы обычное похищение довели до полномасштабной операции?

– С математикой в Управлении все в порядке, – немного обиженным тоном заверил шеф. – Твою командировку постоянно пролонгировали из-за прослушки, что мы установили с твоей помощью. Кто же знал, что мы наткнемся на такую жилу? Так что не надо строить из себя обиженного мальчика. А вытащил потому, что в дело вступила другая группа. Управление хочет и в будущем использовать твои тесные связи с семьей Санчес, поэтому твое присутствие во время задержания братьев Родригесов было неуместно. Что ты сказал Марии перед отъездом?

– Что друг попал в беду, – сухо ответил Герман. От одной мысли, что, возможно, ему придется снова залезать в шкуру Высоцкого, его пробрал липкий пот.

Три года назад Управление поставило перед ним задачу выяснить, кто и с какой целью похитил дочь российского чиновника. Денежный след привел Германа в Венесуэлу, а позже и к Марии Санчес, которая обналачивала выкуп за дочь «клиента». К пылкой, но осторожной девушке Герман подбирался целый год, параллельно расследуя ее масштабную деятельность. Мария была для него проходным билетом в закулисы закрытого семейного клана, который управлял самым крупным наркокартелем в Латинской Америке. Она окончила Российский университет дружбы народов, неплохо говорила по-русски и питала страсть к крутым парням с дурной репутацией. Под ее вкусы и писалась легенда для агента под псевдонимом Патрик.

– Кто зачищал виллу? Случайно не мои архаровцы? – Герман сделал глоток пива.

– Операция уже завершена, – ушел от прямого ответа Николай Иванович.

– А чтобы узнать, чем все закончилось, мне нужно карты раскинуть? – раздраженно процедил Герман.

– Накрыли картель со всей их финансовой схемой и отлаженной логистикой, – с неохотой ответил шеф. – Беглянка уже в Москве, у отца.

– А что с братьями Родригес?

– Старший погиб при захвате. Младший – у нас.

– В каком состоянии дочь «клиента»?

– Как ты и утверждал, она была с младшим Родригесом. На первом же допросе вывернулась наизнанку, пытаясь доказать, что сама предложила студенту-любовнику взять ее в Венесуэлу.

– Но вы ей не верите?

– Почему? – пожал плечами генерал. – Верю. Я не удивлен, – та еще мадмуазелька. Скользя и ушлая, как ее папаша. Если бы тот не вертелся как угорь на сковородке, а сразу сказал, куда и когда перевел выкуп, то ты уже год назад был бы дома. Родригес был для нее хорошим прикрытием, а настоящих ее намерений сам сатана не знает.

– Деньги за выкуп нашли?

– Третью часть. Остальное предприимчивая девушка успела вложить в бизнес.

– Дайте-ка угадаю... – Глаза Германа заискрились. – Она вложила их в семейное дело Родригесов?

Генерал кивнул. Минуту оба молчали, переваривая итоги операции.

– Поговорим о предстоящем деле. У моего товарища кое-что произошло, и это спутало все мои планы, а ты же знаешь, как я не люблю их пересматривать.

– А как же! Ну, так что за дело?

– Очень сложное, необычное и конфиденциальное.

– Надеюсь, это не чистка Авгиевых конюшен. – Герман с наигранной надеждой посмотрел на шефа, но тот был серьезен как никогда, и шутка не прошла.

– Невольник не стану, но знай: если возьмешься, будешь строго следовать легенде. Для всех ты был в госпитале. Я проследил за бумажным следом твоего пребывания в том заведении – не подкопаться, – повернувшись в сторону холла, просматривавшегося из бара, генерал сказал: – А вот и он. Минута в минуту. Ценю пунктуальность.

В ресторан зашел высокий подтянутый мужчина лет шестидесяти в темно-сером костюме и прошел к дальнему столику. Через минуту двое официантов прикрыли его от остальной публики ширмой, а на соседних столиках разложили таблички «Столик зарезервирован».

Когда Герман с шефом приблизились к столику, незнакомец привстал и улыбнулся.

– Без права на славу, во славу державы¹. Так, кажется? – сначала он протянул руку Коновалову, затем повернулся к Патрикееву и добавил: – Не знал, что когда-нибудь удостоюсь чести пожать руку легендарному Патрику.

– Герман, знакомься, это Валерий Сергеевич Архангельский. Возглавляет Федеральную службу исполнения наказания. – Шеф взглянул на друга. – Дальше ты сам.

– Дело вот в чем, – без предисловий начал Валерий Сергеевич. – Мой младший брат Алексей был начальником следственного отдела главного Следственного управления по Московской области. Неделю назад он застрелился в своей машине на служебной стоянке. Все выглядело как самоубийство, и мы уже смирились с этой мыслью. Но после похорон его друг, майор Терентьев позвонил мне и рассказал, что перед самой смертью брат полчаса беседовал с задержанным маньяком, которого они ловили несколько лет, и что сам маньяк добивался встречи с Алексеем.

– Вы хотите, чтобы я расследовал его смерть? – уточнил Герман.

– Да. Я хочу, чтобы вы, во-первых, установили или опровергли факт самоубийства и, во-вторых, узнали, о чем преступник говорил с моим братом. Знаю, его не вернешь, но я хочу восстановить его доброе имя. Фамилия Архангельских не должна быть запятнана. – Последние слова он произнес негромко, но твердо, демонстрируя привычку отдавать приказы.

– Сочувствую вам, – сказал Герман, приложив руку к груди, – но мой профиль – разведка и контрразведка, я никогда не расследовал убийств и не имел дела с маньяками. В их поимке нужны специальные навыки и знания.

– Согласен. Но в данном случае маньяка ловить не надо. Он в СИЗО. – Тон чиновника смягчился. – Мне нужен человек со стороны. Николай Иванович предложил вашу кандидатуру. Я изучил ваш послужной список. Вы умеете быть в тени и одновременно решать самые сложные задачи. Хорошо работаете в команде и не тянете на себя одеяло.

– Валерий Сергеевич, кто меня допустит к делу?

– Все уже улажено. Формально вы придете как помощник следователя в подчинение к полковнику Логинову и будете работать в паре с майором Терентьевым. Он даст вам полный доступ к информации. Я надеюсь, что свежий взгляд такого спеца, как вы, даст толчок в расследовании.

– А если ваш брат все-таки застрелился?

– Тогда я должен знать почему.

– Герман, ответ нужно дать сейчас, – строгим тоном произнес Коновалов.

Патрикеев задумался, ему совсем не хотелось ввязываться в подобное дело; состояние его психики было нестабильным, он и сам понимал, что в любой момент может сорваться. Если признаться шефу, он настоит на лечении, и тогда придется уже реально лечь в госпиталь, а после такого вернуться к полевой работе будет очень трудно, словом, на его карьере поставят жирную точку. Он уже потерял семью, а теперь может потерять работу. Герман представил себя на койке, в больничной пижаме, с горстью таблеток в руке и импульсивно сглотнул. Отказывать шефу ему тоже не хотелось, особенно учитывая все, что тот для него сделал.

– Хорошо, я возьмусь, – произнес он после раздумий, – но мне нужна моя команда.

Валерий Сергеевич удивленно воззрился на Германа, потом перевел взгляд на его шефа.

– Этот вопрос вам лучше обсудить наедине. Жду новостей. Вот моя визитка. Докладывайте по мере поступления любой информации и в любое время.

Когда он ушел, Николай Иванович посмотрел на своего подопечного и с горечью произнес:

– Гера, я хотел сказать раньше, просто... – генерал замолк на мгновение, подбирая слова, – нет больше твоей группы.

¹ Без права на славу, во славу державы – девиз нелегальной разведки.

– Как это? – отпрянул Герман. – Вы распустили ее?!

– Распустил... – Генерал тяжело вздохнул.

– Почему? Из-за меня? Черт, шеф, могли бы назначить Батяню старшим, он не раз меня подменял. И где они сейчас?

Генерал отвел взгляд, и Герман все понял.

– Алексей и Геннадий погибли...

– Как? Где?

– В Урузгане, сразу после того, как тебя эвакуировали с заложником. Их нашли на окраине аула у стены саманного дома, сидели в рядок, словно спали. Пулевые ранения в голову. Стреляли в упор. Управление проводило расследование, но виновных так и не нашли.

– Виновных? – с горечью переспросил Герман. – Каких виновных? Всем известно, что мы столкнулись с боевиками Омара. По ходу задания попали в самый разгар разборок между хазарейцами и суннитами. Там был ад. Леха с Генкой удерживали южную сторону аула, я видел их перед самой эвакуацией. Это они сдерживали боевиков, когда я с «клиентом» в вертушку грузился.

– Знаю, – сухо вставил генерал. – Все, кто выжил, дали показания.

– А что с остальными?

– Павел в тюрьме. После Урузгана его понесло по ухабам. Я пытался с ним поговорить несколько раз, но он будто воск в уши залил.

– За что он сидит? – сдавленным голосом спросил Герман.

– Убийство. Связался с замужней женщиной. Ее муж полез в драку. Павел был пьян. – Шеф намекал на «особое» состояние друга. Стоило Павлу выпить, как он становился агрессивным и сам искал приключений. Шеф вздохнул и покрутил в руке телефон. – Батяня ушел в отставку. Теперь ему, наверное, уже под шестьдесят. Отвоевался.

– Почему в госпитале мне ничего не сказали?

– А какой от тебя был бы тогда толк?

Такого Герман от генерала не ожидал. Он знал, что для Николая Ивановича всегда выше всего была работа, никаких сантиментов. Но при любом раскладе ему должны были сказать о гибели товарищей. Тоска сжала сердце стальными тисками, он прикрыл глаза, чтобы не потерять над собой контроль. Наружу рвался монстр, который жаждал крушить все вокруг.

– Я в номер, – поспешно пробубнил он и, не дожидаясь ответа, рванул к выходу, сдирая на ходу с шеи галстук.

– Терентьев придет за тобой завтра, в девять утра. Чтоб трезвым был! – успел крикнуть ему вдогонку шеф.

Но Герман его уже не слышал. Стиснув зубы, он схватился за лестничный поручень. Вспотевшие руки то и дело соскальзывали с покрытого лаком дерева. Он оступался, спотыкался, но упрямо держался на ногах. Внутри все горело, как от химического ожога. Перед глазами мелькали лица боевых товарищей, которые долгие годы были для него настоящей семьей.

Герман добрался до номера, открыл холодильник и увидел бутылку любимого шотландского скотча. Покрутив ее в руках, подумал, вряд ли такой скотч входит в комплекс гостиничных услуг, наверняка «генеральский подгон». Плеснув виски в стакан, он подошел к окну и, глядя на вечернюю Москву, сделал первый глоток. Ночь (как и бутылка) только начиналась.

Рано утром тишину нарушил настойчивый телефонный звонок. Нащупав рукой трубку, Герман разлепил пересохшие губы и хрипло выдавил:

– Слушаю...

– Герман Всеволодович? – услышал он вышколенный женский голос.

– Да.

– Извините за беспокойство, это дежурный администратор. К вам поднимается майор Терентьев. Говорит, по срочному делу.

– Угу...

– И еще... – тише добавила девушка.

– Да?

– Вы вчера вечером подписали чек в баре как Александр Высоцкий, а номер зарегистрирован на Германа Патрикеева...

Герман не помнил, как спускался в бар. Видимо, подарочной бутылки ему показалось мало, и он продолжил панихиду в баре. Он судорожно пытался вспомнить, с кем общался и что говорил. Мелькал образ черноокой брюнетки с красной помадой на губах, но в номер он точно вернулся один.

– Выпишите новый чек. Буду уходить, подпишу.

Положив трубку, Герман еще минуту посидел на кровати, уговаривая непослушное после свидания с алкоголем тело подняться. Когда в коридоре послышались шаги, он встал, подошел к двери, открыл ее настежь и, ни слова не говоря, поплелся в ванную комнату.

Терентьев удивленно посмотрел на нового коллегу, огляделся по сторонам, вошел в номер.

– И тебе привет, – в недоумении произнес следователь.

Запашок в номере напомнил майору сортировку мусоросжигательного завода. Он открыл окно и впустил свежесть весеннего утра. Окинул комнату взглядом и остановился на двух пустых бутылках из-под скотча, лежавших на полу у кровати, рядом с которыми соседствовали стакан и полная окурков пепельница. Майор расположился в кресле и по телефону заказал в номер два крепких кофе, сэндвичи с сыром и ветчиной.

Из ванной доносились приглушенные вскрики, ругательства, и по лицу Терентьева расплзлась ухмылка. Перед тем как ехать в отель, майор просмотрел дело Патрикеева, из которого узнал, что полковник получил тяжелые ранения и последние три года проходил длительный курс реабилитации. Пустые бутылки красноречиво говорили о том, каким в реальности лекарством лечился бывший командир разведывательной группы.

Герман вышел из ванны, и Терентьев поразился случившейся перемене – чисто выбрит, в белой рубашке и новеньких джинсах, он ничем не напоминал того похмельного дядьку, который только что открыл ему дверь. Кофе и горячие сэндвичи уже стояли на журнальном столике.

– Я заказал завтрак. Черт его знает, когда еще удастся сегодня поесть, – попытался завязать разговор майор.

– Угу, – буркнул Герман и залпом выпил обжигающий кофе, после чего впервые посмотрел на следователя.

– Терентьев, – представился майор. – Можно просто Михаил.

– Герман, – сухо произнес Патрикеев.

Герман прожег пытливым взглядом коллегу и сделал вывод: майор пьет в меру, но наблюдаются все признаки никотиновой зависимости. Костюм носит из-за рабочего дресс-кода, хотя чувствует себя в нем неуютно и за все годы работы следователем так к нему и не привык. Плохо выглаженная одежда и бледная бороздка, оставшаяся на правом безымянном пальце, красноречиво кричали, что майор разведен. Красные глаза говорили о бессоннице, а значит, у них есть что-то общее.

– Ну, с сэндвичами покончили, – Герман с легким сожалением посмотрел на опустевшую тарелку, – давай к делу. Ты на колесах?

– Да.

Негромко переговариваясь, они направились к стоянке отеля, где майор подошел к старенькому «опелю астра» серебристого цвета, открыл дверь и спросил:

– Каков план на сегодня?

– Начнем с места происшествия. Изучим протокол вскрытия. Потом поговорим с теми, кто видел полковника в последние сутки до убийства; встретимся с адвокатом, который защищает маньяка, и хотелось бы переговорить с вдовой полковника. Как думаешь, за сегодня успеем?

Майор кивнул и вдруг неожиданно улыбнулся.

– Что? – спросил Герман.

– Да так... адвокатшу вспомнил, – ухмыляясь, ответил Терентьев и, пристегнув ремень безопасности, нажал на газ, – значит, едем на Малый Кисельный переулок.

– Ушлая, что ли?

– Нет, молодая и юморная.

– Как же она справляется с таким сложным делом? – удивился Герман, закуривая сигарету.

– Да вроде нормально справляется.

Герман задумчиво поскреб подбородок и повернулся к напарнику:

– Расскажи про Архангельского. Сколько лет вы вместе работали?

– Лет десять, не меньше.

– Он был способен на... спонтанные поступки?

– Если ты имеешь в виду, способен ли он был покончить с собой, то от факта никуда не деться – он застрелился.

– Но ты в этом сомневаешься, так?

– Если честно, – Терентьев взглянул Герману в глаза, – да. До сих пор не могу в это поверить. Он был уважаемым всеми профи высокого класса. Всегда помогал и не только по работе. Отличный семьянин. Жена привела его недавно в церковь, познакомила с батюшкой. Примерно месяц назад он впервые исповедался и сразу бросил курить. После этого стал читать много религиозной литературы.

– То есть он стал меняться?

– В лучшую сторону, – уточнил майор.

– Ясно. Факт самоубийства неоспорим?

Терентьев тяжело вздохнул и нехотя ответил:

– Эксперты подтвердили...

– И ничего необычного?

– Выстрел произведен с близкого расстояния, на руке следы от пороха, на пистолете только его отпечатки.

– Что говорят свидетели? Никого не видели рядом с машиной?

Майор покачал головой и нервно забарабанил пальцами по рулю. Как же ему хотелось зацепиться хоть за самую малость, но... увы...

– На стоянке было два человека: сотрудник Управления Долгин и новенькая из бухгалтерии. Она шла от своей машины в сторону здания. Когда Долгин вышел покурить, полковник уже сидел в машине.

– То есть никто не видел, как он садился в машину?

– Нет. Бухгалтер сказала, что полковник говорил по телефону.

– Установили, с кем говорил?

– Да... с матерью...

– Выяснили, о чем они говорили?

– Нет. У нее случился инсульт, и сейчас она... в коме.

Герман присвистнул.

«Опель» Терентьева заехал на служебную стоянку Следственного управления, майор заглушил мотор.

– Где это произошло? – спросил Герман, выходя из машины.

– Второй ряд справа, – ответил Терентьев. – Черт! До сих пор та сцена перед глазами! Герман огляделся вокруг, показал на окна первого этажа и подметил:

– Хороший обзор.

– Я опросил всех сотрудников, на момент совершения выстрела к окнам никто не подходил.

– Ну, это как всегда, – понимающе кивнул его новоиспеченный напарник и вошел в Управление.

В кабинете майора Герману сразу бросилась в глаза большая доска на стене, на которой висели фотографии с места происшествия. Затем он перевел взгляд на схему передвижений Архангельского и распечатку телефонных звонков с мобильного телефона. Последний звонок был обведен красным маркером.

– Подумал, если вывешу на доску, будет легче разобраться. – Майор ткнул на схему передвижений. – Но вот смотрю на это и не могу отделаться от мысли, будто упускаю что-то, а что... хоть ты тресни, не пойму!

Герман подошел к доске и стал изучать собранный материал. Маршрут передвижения полковника был проложен разноцветными линиями со стрелками, на каждой линии указано время. Крестиками были изображены конечные точки маршрута и фамилии сотрудников, с которыми он говорил в день происшествия.

– Много он контактировал в день смерти, – глядя на схему, сделал вывод Герман. – А это что за черные линии, ведущие, насколько я понимаю, в его кабинет?

– Это сотрудники, которые заходили к нему по личным и служебным делам. Хочешь с ними переговорить?

– Нет. Я хочу побеседовать с теми, кто видел его на стоянке в момент происшествия.

Терентьев набрал номер канцелярии и дал указание дежурному пригласить в его кабинет свидетелей по делу Архангельского.

– Может, еще кофею?

– Да, пожалуй, без сахара и молока, – согласился Герман. – Мне бы ознакомиться с показаниями всех свидетелей, чтобы не уточнять те факты, которые ты уже установил.

На стол легла папка с протоколами допросов свидетелей. Майор подошел к сейфу, на котором располагалась импровизированная кухня. Поставил на стол две большие кружки, насыпал в каждую по три чайные ложки растворимого кофе и залил кипятком.

В кабинет вбежал разгоряченный рыжеволосый лейтенант лет двадцати пяти.

– Вызывали, Михаил Матвеевич?

– Проходи, Вовчик, присаживайся, – отозвался майор и жестом показал коллеге в сторону напарника. – Знакомься, это новый следователь в деле Архангельского, Герман Всеволодович.

– Просто Герман, – поправил его Патрикеев.

– Володя... Долгин, – поняв причину срочного вызова, лейтенант заметно расслабился.

– Вовчик, Герман задаст тебе несколько вопросов, постарайся еще раз вспомнить все, что случилось в тот день. – Майор перевел взгляд на Патрикеева.

Лейтенант тяжело вздохнул, до этого момента ему уже много раз пришлось рассказывать об одном и том же, но снятие и проверка показаний была частью работы, и он, как будущий следователь, прекрасно понимал: никуда от бесконечного повтора уже сказанного не денешься.

– Давайте с самого начала. Когда вы в первый раз увидели полковника в день происшествия? – спросил Герман, садясь напротив Долгина.

– Когда? Ну, Михаил Матвеевич... – Долгин бросил на Терентьева быстрый взгляд, – попросил позвать полковника в комнату для допросов. Телефон не отвечал, и я поднялся к Архангелу в кабинет сказать, что его зовет Терентьев.

– А он?

- А что он? Сказал, что скоро будет, и я ушел.
- Когда вы видели его в следующий раз?
- В следующий раз? – с беспокойством переспросил Долгин. – Уже на стоянке. Я вышел покурить, а через минуту – бах! – Долгин хлопнул в ладоши. – Выстрел.
- То есть до выстрела вы его не видели? – уточнил Герман.
- Нет. Я посмотрел в его сторону только после выстрела.
- Вот с этого момента поподробнее, пожалуйста.
- Поподробнее? Пожалуйста. Я побежал к машине, увидел полковника, а он был уже того... – Долгин запнулся на мгновение, но быстро овладел собой, – мертвый. Пистолет валялся на коврике, всюду кровь. Бухгалтер Надя начала кричать! Я бегом в Управление, а там Михаил Матвеевич, – Долгин снова посмотрел на Терентьева, тот молчаливым кивком подтвердил слова лейтенанта, – и мы уже вместе вернулись к машине.
- Хорошо, а бухгалтера вы видели до выстрела?
- Бухгалтера? Да. Она как раз шла с той стороны, где была машина полковника.
- Она припарковалась в соседнем от полковника ряду и возвращалась в Управление с обеда, – пояснил майор.
- Во сколько это было? – спросил Герман.
- За минуту до выстрела. В двенадцать сорок пять. – Терентьев перевел взгляд на доску, сверяясь с временной шкалой.
- Какой у нее режим работы? – Герман нахмурился. – Не рановато для возвращения с обеда?
- Она работает с девяти до шести, перерыв с часу до двух, но в этот день была ее очередь покупать обед для сотрудников бухгалтерии. У них в отделе так заведено: кто-то один идет за продуктами и покупает на всех.
- Понятно. – Герман перевел взгляд на Долгина и спросил: – В тот день в Управлении много было посторонних?
- Посторонних? Да нет, вроде. – Долгин задумался. – Адвокатша была, ну, и этот, маньяк который. А так все наши. С утра сидели в кабинетах и готовили отчеты, полковник требовал цифры по раскрываемости.
- Хорошо, спасибо за помощь!
- Да не за что, – ответил Долгин.
- Когда дверь за ним закрылась, Терентьев спросил:
- Ты заметил? Он всегда в начале ответа повторяет вопрос.
- А я уж подумал, что у вас тут эхо, – усмехнулся Герман.
- Говорил ему и не раз – бесполезно. Достает, правда?
- Герман не ответил, задумчиво чиркая карандашом на лежащем перед ним листе бумаги.
- Майор набрал номер внутреннего телефона бухгалтерии и спросил:
- А новенькая бухгалтер Надежда на месте? Что? Когда? Та-ак, ясно.
- Что? – спросил Герман, глядя на удивленное лицо майора.
- Она сегодня утром уволилась.
- Причина? – насторожился Герман.
- Терентьев пожал плечами и тут же предложил:
- Пойдем в кадры.
- Они вышли в коридор и спустились по лестнице на первый этаж, где им навстречу попался мужчина лет пятидесяти в звании полковника. Заметив майора, он громко и без церемоний спросил:
- Это и есть специалист, про которого Валерий Сергеевич говорил?
- Да, знакомьтесь, Герман Всеволодович Патрикеев, а это мой шеф – полковник Логинов Александр Васильевич.

– Я освобожусь после пяти часов, так что зайдите ко мне. Потолкуем, – сказал Логинов и быстрыми шагами двинулся в сторону лестницы.

Майор постучал и тут же открыл дверь отдела кадров.

– Здравствуйте, Елена Михайловна, мы к вам.

– Здравствуйте, чем обязана? – дружелюбно ответила уже немолодая и полноватая брюнетка.

– Да вот, хотел повторно допросить свидетельницу по делу полковника Архангельского, а мне в бухгалтерии сказали, что Надежда Сорокина сегодня утром уволилась.

Глаза женщины погрузнели, она запричитала:

– Горе-то какое. Бедняжка одна из первых увидела Алексея Сергеевича. Настродалась, говорила, что уснуть после того случая не может, – чуть понизив тон, Елена Михайловна доверительно посмотрела на Германа. – Она все это время на таблетках, но они не помогают. Муж решил ее в частную клинику устроить. Вот и уволилась...

– Адресочек Надин не подкинете? – спросил майор.

– Да, конечно, вот как раз ее бумаги сейчас оформляла. Жалко, что уволилась, таких специалистов днем с огнем не сыщешь. Два высших образования, три иностранных языка...

Слова кадровика зацепили Германа, и он спросил:

– А как она получила эту должность?

– Сама пришла, сказала, слышала от знакомых, что нам требуется главный бухгалтер, только на тот момент мы уже взяли человека. Я без особой надежды предложила ей место рядового бухгалтера по начислению зарплаты и пособий. Это место как проклятое. Работы много, платят мало. Но она согласилась.

– А в окладе она сильно потеряла? – спросил Герман.

– Да почти в два раза.

– А когда она устроилась? – продолжал наседавать Герман.

Зашуршали бумажки. Елена Михайловна уткнулась в личное дело бывшей сотрудницы.

– Восемнадцатого апреля этого года.

– Спасибо за помощь, Елена Михайловна. – Майор взял протянутый ему листок бумаги с адресом.

В коридоре он спросил Германа:

– Отчего такой интерес к Сорокиной? Я ее сам допрашивал, она вне подозрений.

– Да странно как-то, – задумчиво ответил Герман и замедлил шаг, – приходит сама, без рекомендации, говорит, что от кого-то узнала про вакансию. Когда ей отказывают, устраивается на непрестижную должность с маленькой зарплатой... С ее-то резюме. Увольняется через неделю после происшествия, причиной называет болезненное состояние. Но кто увольняется, чтобы лечиться? Скорее оформляют больничный. Тем более психологическая травма была нанесена в рабочее время. Ну, и по времени, как-то все скоропостижно – устроилась восемнадцатого апреля, двадцать второго ЧП, а двадцать девятого увольняется.

– Ну, не знаю... По мне, так все очень легко объясняется: женщина искала работу, но опоздала, вакансия занята, и решила устроиться хотя бы на должность рядового бухгалтера, пока подыскивает что-то более подходящее. А далее, практически у нее на глазах человек совершает самоубийство, тут кому угодно крышу сорвет. Она понимает, что эта работа не для нее, и увольняется.

Напарники вернулись в кабинет майора.

– Надо назначить ей встречу. Проведем повторный допрос, может, что вспомнит, а не вспомнит, дружно помашем ей вслед и будем дальше копать.

Майор скривился, но спорить не стал, набрал номер мобильного бывшего бухгалтера. На звонок не ответили, и он набрал номер домашнего телефона. Услышав снова длинные гудки, нахмурился.

– Не отвечают.

– Наберешь еще раз после шести, может, все просто: муж на работе, а она лежит в больнице...

В кабинет заглянул Софиев. Вопросительно посмотрел на Терентьева, перевел взгляд на Германа.

– Софиев Роман Петрович, – официально представил его Михаил. – В момент происшествия находился в комнате для допросов с задержанным Роговым.

В отличие от майора Софиев носил костюм, будто вторую кожу. От него исходил устойчивый аромат мужского парфюма. Герман подметил аккуратный вид парня и его идеальную стрижку.

– Выходит, вы последний, кто видел полковника живым?

– Выходит, так. – Софиев заерзал на стуле.

– Опишите встречу с полковником и все, что ей предшествовало. Любая мелочь годится, – попросил Герман.

– Я в тот день охранял Рогова. Он долго беседовал с адвокатом, рыженькая такая, кажется, ее фамилия Демидова, потом попросил устроить встречу с полковником.

– Как это было? Можете поподробнее рассказать? – спросил Герман.

– Они сидели с адвокатшей и шептались.

– А разве арестованный не имеет право на беседу с адвокатом наедине?

– Имеет, но они не просили меня выйти, а мне спокойней, когда он у меня на виду. Дело громкое, ему пожизненное светит. Меня Логинов предупредил, чтобы глаз с него не спускал.

– Продолжайте. – Герман подвинул к себе блокнот и стал делать заметки.

– Они пошептались, потом она протянула ему лист бумаги, он прочитал, кивнул и сказал: «Я хочу поговорить с полковником Архангельским».

– При этом он смотрел в листок, который она ему протянула? – спросил Герман, прищурясь.

Задумавшись на секунду, лейтенант уверенно произнес:

– Да.

– Вспомните, это очень важно, как он его назвал? Просто полковник Архангельский или по имени и отчеству?

Роман снова напряг память.

– Кажется, полностью, сначала должность, звание, потом фамилия, имя и отчество. Мне это еще тогда ухо резануло.

– Так, что было потом? – приободрил его Герман и записал в блокнот: «На встрече настаивала адвокат».

– Демидова вышла в коридор, дверь осталась приоткрытой, я слышал, как она просила Михаила Матвеевича организовать встречу с Архангельским. Он долго упирался, но потом послал Рыжика с весточкой.

– Рыжика? – переспросил Герман.

– Так мы между собой кличем Долгина, – улыбаясь, пояснил Софиев.

– Как в это время вел себя задержанный?

Софиев потер руки, изобразив жест Паука.

– Так... интересно, продолжайте, – подбодрил его Герман.

– Когда адвокат вернулась, они снова давай шептаться. Рогов вроде как разнервничался, аж вспотел. А когда пришел Архангельский, сказал, что им лучше остаться наедине.

– Он как-то это объяснил? – Герман переглянулся с Терентьевым и вновь посмотрел на Софиева.

– Да что-то сказал, типа, тайна следствия или вроде того. Я тогда не очень обратил на это внимание, а потом и вовсе стало не до него.

– Ясно. А что полковник?

– Архангел немного подумал и попросил меня выйти. Я вышел в коридор и стал ждать. Следом за мной вышла адвокатша, я видел, как она сразу заговорила с майором, – описывая передвижения рыжеволосой красавицы, Софиев расплылся в похотливой улыбке. – Затем они вместе куда-то ушли. А еще минут через десять из допросной вышел Архангел и пошел в сторону своего кабинета.

– Когда полковник вышел, он что-нибудь сказал? – спросил Герман.

– Нет. Только чудно выглядел.

– Как это?

– Обычно он волосы аккуратно зачесывает назад, а тогда у него волосы взъерошенные были, будто он их теребил.

– Он нервничал?

– Я бы не так сказал, скорее озадаченный был.

– И больше вы его не видели?

– Нет, – покачал головой Роман.

– Хорошо, спасибо за помощь.

Софиев, как бы между прочим, спросил майора:

– Вы будете сегодня игру смотреть?

Майор непонимающе уставился на лейтенанта.

– Сегодня же стартует Кубок России по футболу. Мы все идем в спорт-бар, – напомнил Софиев.

– Какой спорт-бар?! Какой футбол?! Человек застрелился! – с досадой выпалил майор.

Софиев пожал плечами, мол, одно другому не мешает, и быстро покинул кабинет.

– А кто сегодня играет? – спросил Герман.

Майор отмахнулся и, присев на край стола, снова позвонил Сорокиной.

Герман решил ознакомиться с протоколами допросов сотрудников, что сталкивались с полковником в день происшествия, и углубился в чтение.

– Опять не отвечают, – выпалил Михаил и бросил трубку. – Пойду в кадры, узнаю, с кем бухгалтер проживала по адресу и есть ли контакты ее ближайших родственников.

Из всех протоколов допросов, приобщенных к делу, Германа заинтересовал лишь один: бухгалтера Сорокиной. Пока еще он не понимал, почему именно она привлекла его внимание, но чувствовал, что внезапное увольнение новенькой сотрудницы произошло не по той причине, которую она озвучила коллегам. Он закрыл глаза и мысленно прокрутил еще раз сбивчивые показания бухгалтера. Наверняка майор не обратил внимания на некоторые нестыковки. Кто будет подозревать сотрудницу Управления, когда на руках такой список доказательств самоубийства? В протоколе было указано, что, по утверждению Сорокиной, она как раз проходила мимо машины Архангельского, когда раздался выстрел. Герман задумался: ее присутствие на стоянке не вязалось с самоубийством. Если полковник в самом деле спонтанно решил свести счеты с жизнью, разве делал бы он это в присутствии посторонних, тем более женщины? Он взглянул на схему места происшествия. Сорокина была хорошо видна из машины полковника.

Михаил вернулся в кабинет в приподнятом настроении.

– Мне дали телефон и адрес работы мужа Сорокиной.

Снова присев на край стола и поглядывая на стикер, Терентьев набрал номер и замер. Трубку никто не брал.

– Тьфу ты, и здесь пусто! – Майор выглядел встревоженным.

– Не кипятись, дай кому-нибудь поручение найти эту Сорокину. Без лишней суеты. А когда найдут, пусть скажут, что она забыла подписать один экземпляр протокола.

– Так и сделаю, – согласился Михаил.

Герман отложил в сторону протоколы и подошел к доске. На этот раз его взгляд привлекла распечатка телефонных звонков, их было два: входящий и исходящий. Стал изучать пометки майора в графе «Примечания». Чаще всего полковник звонил жене, дочери и сыну. Видимо, рабочие звонки он предпочитал делать с рабочего телефона. А входящих служебных звонков было много, рядом с каждым номером майор написал должность и фамилию звонившего. Последним исходящим личным звонком был звонок матери. По распечатке за последний месяц было видно, что он ей до этого ни разу не звонил. Германа это насторожило, он вспомнил, что, пока были живы родители, они общались как минимум раз в неделю.

Когда майор снова вернулся в кабинет, Герман показал на звонок без пометок на полях и спросил:

– Что за номер, выяснили?

Майор подошел к доске и взглянул на распечатку.

– Это телефон нашей канцелярии.

– Судя по временной отметке, он звонил в канцелярию с мобильного из машины.

– А что тут необычного?

– Я просмотрел распечатку, полковник очень мало делал служебных звонков с мобильного.

– У него было два мобильного: служебный и личный.

– Это распечатки с личного телефона? – спросил Герман, показывая на список.

– Да. Служебный мы отменили сразу, на него не было в тот день звонков. Полковник был в кабинете с самого утра, звонил по городскому, а потом и вовсе отключил все телефоны.

– Я хочу понять, с кем говорил Архангельский, когда Сорокина проходила мимо его машины. Ты сопоставил время самоубийства со списком телефонных разговоров?

– Нет, – покачал головой Терентьев, – зачем?

– Время не сходится, – вкрадчиво произнес Герман и вопросительно посмотрел на майора, – выстрел был в двенадцать сорок шесть, так?

Майор буркнул: «Ну» и нахмурился.

– Согласно распечатке разговоров, полковник в это время ни с кем не говорил. Видишь? – Герман указал на последний звонок. – Матери он позвонил в двенадцать пятнадцать. Разговор длился семь минут. Далее разговор с канцелярией в двенадцать двадцать четыре, длился одну минуту. Отсюда вопрос: с кем и по какому телефону говорил Архангельский, когда мимо него проходила Сорокина?

С растерянным видом Терентьев плюхнулся в потертое кожаное кресло и начал растирать уши.

– Ты думаешь, она соврала?

– Я сопоставляю. А факты говорят, что показания Сорокиной путаные. Если она действительно соврала, важно выяснить почему. Короче, ее показания нужно тщательно проверить. Ты выяснил, зачем полковник звонил в канцелярию?

– Нет, – ответил майор и нервно сглотнул.

Герман удивленно посмотрел на напарника, и тот, не говоря ни слова, снова выскочил из кабинета. Проводив его взглядом, Герман подумал: «Охота ему бегать туда-сюда, почему не позвонить из кабинета?»

Через пять минут майор приоткрыл дверь и с озадаченным видом произнес:

– Пошли, кое-что нужно проверить.

Они подошли к двери с табличкой «Начальник следственного отдела по особо важным делам Архангельский А. С.». Майор распечатал пломбу на двери.

– Заходи, – сказал он Герману. – В канцелярии сказали, что он спрашивал, кто положил ему на стол почтовый конверт. У нас заведено расписываться за почту. В канцелярии сказали, что в этот день почты у него не было.

– Как выглядел конверт? – спросил Герман.

– Он описал его как большой желтый.

Майор начал тщательно обыскивать кабинет.

– Все вещи, которые были при нем, опечатаны как улики. Никакого конверта я там не видел. Кабинет я бегло осмотрел и опломбировал. Так что, если он оставил его здесь, мы его найдем.

Майор тщательно просмотрел бумаги на столе и в ящиках.

– Есть! – воскликнул он и потряс конвертом, затем заглянул внутрь и разочарованно добавил: – Черт, пусто!

– Кто отправитель?

– Нет ни отправителя, ни адресата! Вверху какие-то цифры, и все. – Майор еще раз потряс конвертом, словно не веря в неудачу, и отшвырнул его на стол.

Герман покрутил конверт в руках, разрезал с двух сторон и аккуратно расправил. На внутренней стороне конверта по диагонали мелкими синими буквами было написано «Центр молекулярной генетики».

– Чтoб тебя! – Майор рубанул рукой по столу. – Чуть зацепку не пропустил!

– Нужно найти адрес этого Центра.

Герман вернулся в кабинет майора, сел за компьютер и вбил название в поиск браузера. Зашел на страничку Центра и кликнул мышкой по разделу «Контакты». На экране появился адрес. Он быстро записал его на листок бумаги и протянул вошедшему следом майору.

– По коням!

Матовая стеклянная дверь приемной открылась, им навстречу вышел тщедушный седовласый мужчина небольшого роста, лет шестидесяти, и настороженно поинтересовался:

– Чем обязан?

Терентьев представился, показал удостоверение и протянул ему вскрытый конверт.

– Мы хотели бы знать, для каких целей вы используется подобную бумажную упаковку?

Директор взял конверт в руки, повертел и пожал плечами:

– Стандартный он. Используем для служебной переписки, отправляем официальные письма, результаты анализов. Подобными пользуются все отделы Центра. А что случилось?

– Скажите, а какое самое популярное использование этого конверта?

– Конечно же, результаты анализа ДНК! – улыбаясь, воскликнул директор.

– Вы имеете в виду анализ на отцовство?

Директор кивнул и показал в сторону графиков и диаграмм, висевших на стене.

– Восемьдесят пять процентов наших пациентов хотят установить отцовство, а другие пятнадцать – материнство или просто родство. Этим мы не только зарабатываем на жизнь, но и можем позволить себе финансирование научных проектов, каждый из которых способен сделать гигантский прорыв в науке!

Михаил и Герман многозначительно переглянулись.

– А как обычно получают результаты анализов? – поинтересовался майор.

– Когда результат готов, отдел регистрации отправляет его по указанному адресу на бланке заказа. Иногда анализ делается анонимно, в таком случае адрес не указывается. За таким конвертом приходят лично. А до этого он хранится в регистратуре под кодовым номером. Видите, на вашем конверте карандашом указан номер? – Директор показал на маленькие цифры «8/30.03.10.» в правом верхнем углу конверта. – Это значит, что тридцатого марта этого года пациент под номером восемь сдал анализ.

– А можно подробнее узнать об этом анализе?

– Да, конечно. – Директор развернулся к компьютеру и вошел в базу данных пациентов. – Заказ номер восемь, анонимный. Здесь указано, что пациент сам пришел за заключением.

Майор свел брови. Опять тупик!

– Но я могу позвать сюда регистратора, которая оформляла заказ. Может, она что-нибудь вспомнит, – предложил директор.

– Было бы замечательно, – тут же отозвался Герман.

Директор нажал на кнопку селектора.

– Зоенька, пригласи Алену Курчатову из регистратуры.

– Что нужно, чтобы провести анализ ДНК? – спросил Герман, когда директор снова повернулся к следователям.

– Нужен образец ДНК двух лиц, устанавливающих между собой родство. Это может быть кровь или соскоб с внутренней стороны щеки. Иногда присылают прядь волос, но если нет луковицы, содержащей ДНК, мы бессильны.

– Ну, это понятно, – со знанием дела отмахнулся Терентьев, – лучше скажите, а эти образцы необходимо сдать здесь или можно прислать по почте?

– Чаще присылают из других медицинских учреждений и лабораторий, но анализ можно сдать и у нас.

В кабинет вошла худощавая, бледная девушка.

– А вот и Алена, – с радостью произнес директор. – Следователи интересуются заказом 8/30.03.11. В базе ты записана как регистратор. Можешь сообщить подробности? – Директор встал и уступил сотруднице свое кресло.

Алена вошла в систему регистрации заказов под своим логином и паролем.

– Что конкретно вас интересует? – спросила она, глядя на следователей.

– Всё! – в один голос воскликнули Патрикеев и Терентьев.

Нажав мышкой на раздел «личные пометки», Алена сообщила:

– Заказ был очень необычный. Образцов не два, а двадцать восемь!

– Что?! – На этот раз к голосам следователей присоединился и голос директора.

– Так это тот самый странный заказ на двадцать восемь детей?! – заинтригованно добавил директор и подскочил к монитору.

Девушка кивнула.

– Образец отца был один, а сопоставляемых образцов – двадцать восемь.

– Кто сдавал образцы? – Терентьев старался сохранять внешнее спокойствие, но от мысли, что они наконец-то попали на след в забуксовавшем деле, ему хотелось вскочить и наворачивать по кабинету круги.

– Образцы принесла симпатичная блондинка лет тридцати пяти. Вежливая. Улыбчивая. Сказала, что работает на социальную службу. Я предложила ей специальную цену, если она принесет письмо от организации, но она отказалась и заплатила по коммерческим расценкам. – Алена пожала плечами. – Мне показалось это странным. Обычно представители организаций стремятся заключить договор и получить максимальную скидку на наши услуги, а тут...

– Опишите ее внешность подробнее, – попросил майор. Догадка уже прожгла его мозг и разъедала, как кислота.

– Высокая, стройная, длинные волнистые волосы. Элегантно одетая.

– Сорокина, – вполголоса произнес Терентьев.

Герман, повернувшись к директору, спросил:

– У вас есть факс?

Терентьев понял его намек и, набрав номер начальницы отдела кадров, что-то быстро и негромко проговорил в трубку. Через пять минут из факса медленно выползло фото Надежды Сорокиной из ее личного дела. Майор взял фото и протянул его Алене.

– Это она?

– Да! Она! Точно, она! – подтвердила Алена.

– Возьмите мою визитку, завтра в девять утра вам нужно будет прийти по указанному адресу, чтобы мы могли запротоколировать ваши показания.

– Но у меня дежурство. – Алена с надеждой посмотрела на директора, который именно в этот самый момент что-то внимательно изучал в повисших за окном серых тучах.

– Ваше начальство уже поставлено в известность. – Терентьев кивком попрощался с директором и первым вышел из кабинета.

Герман взял копию фотографии со стола и поспешил за майором. Уже открывая дверь, обернулся и спросил:

– А какими были результаты этих анализов? Сопоставляемые образцы оказались родственными?

Девушка хотела что-то ответить, но директор жестом руки дал ей знак замолчать и повернулся к Герману:

– Чтобы узнать ответ на этот вопрос, вам потребуется решение суда. И, насколько мне известно, никто вам его не даст.

Герман ухмыльнулся и аккуратно, словно дверное полотно было хрупким, как фарфор, прикрыл за собой дверь.

Приехав в Управление, Терентьев первым делом потянулся к внутреннему телефону.

– Это я. Есть информация по Сорокиной? Понятно. А до мужа дозвонились?

Положив трубку, он задумчиво посмотрел на Германа.

– Ни мужа, ни ее. Информация о его месте работы – фальшачок. Ребята ездили по адресу ее регистрации, соседи сказали, что она давно там не живет.

– Когда человек устраивается на работу в органы, разве он не проходит проверку?

– Проходит. Судимости у нее не было, а для более детальной проверки ее документы даже не успели послать, – ответил майор и встал около доски. – Я все искал нестыковки здесь, а оказывается, дело в ненадежном свидетеле.

– Ты сказал, что в день происшествия покупать еду для всего отдела была очередь Сорокиной. Она несла коробки или пакеты с едой?

Майор задумался и покачал головой.

– Нет, ни пакетов, ни коробок у нее в руках не было. Она вбежала в здание только с сумочкой в руках.

– Может, она их уронила, когда увидела Архангельского в машине?

Терентьев открыл увесистую папку с фотографиями с места происшествия и начал просматривать.

– Нет, – отбросил он последнюю фотографию. – Ни пакетов, ни сумок.

– Так куда она ездила в рабочее время, если не за едой?

– Хороший вопрос. – Майор схватился за голову. – Как я не учуял ее фальшь!

Он закурил, встал у окна, в задумчивости посмотрел на служебную стоянку, швырнул зажигалку на стол и засунул руки в карманы брюк. Майор был на нервах, но Герман все же решился озвучить свою очередную идею:

– Неплохо было бы провести следственный эксперимент.

– Ты о чем? – Майор прищурился.

– Ты – в коридоре, как в тот день, Долгин – на стоянке. Нужно выстрелить из пистолета полковника внутри аналогичной машины. А ты, лейтенант, и все, находящиеся в здании, попробуете опознать звук выстрела.

– Следственный эксперимент уже был, – напомнил Михаил.

– С выстрелом? – уточнил Герман.

– Нет, просто каждый занял свое место, как в день происшествия, следователи проходили по этажам, устанавливали маршруты передвижений каждого сотрудника и вели опрос о взаи-

модействии с полковником. Никто не сомневался, что полковник застрелился. Мы пытались выяснить, в каком он пребывал настроении.

– Так ты поможешь с экспериментом? – Герман выжидающе посмотрел на Терентьева. – Сам же посеял сомнения в том, что это самоубийство.

– Хорошо, я запрошу у начальства разрешение на следственный эксперимент... но прошла неделя.

– Попробовать стоит. – Герман взглянул на часы. – Сегодня у нас еще адвокат, мать полковника и вдова.

– Адвокат сегодня с нами встретиться не сможет, я ей звонил из канцелярии. Мать полковника еще не пришла в сознание. А вдова-то тебе зачем?

– Жены знают все, – многозначительно выдал Герман.

– Ну, тогда нам надо поторопиться, она завтра уезжает к сестре в Екатеринбург. Подождешь в машине? – Терентьев протянул Герману ключи от своего автомобиля. – Я к начальству.

– Он же сказал нам обоим зайти...

– Сказал, но если мы пойдем вдвоем, разговор затянется, а нам сейчас каждая минута дорога.

Следователи ждали встречи с Елизаветой Архангельской в просторной гостиной особняка. Как только Терентьев сообщил ей по телефону, что хочет нанести визит, вдова тут же позвонила деверю, а Валерий Сергеевич в свою очередь потребовал разговор без него не начинать. Герман такую реакцию предвидел, а вот майор разозлился не на шутку. Он ходил по гостиной взад-вперед и периодически бросал гневные реплики:

– Я знаком с этой семьей больше десяти лет и пришел поговорить с женой друга, а она заперлась наверху и не выходит, будто я ее в чем-то хочу обвинить!

Через несколько минут входная дверь открылась, на пороге появился Валерий Сергеевич в сопровождении водителя, который бухнул пакеты с провизией на мраморный пол.

– Не сюда! – взорвался Валерий Сергеевич, и всем стало понятно, в каком он настроении. – На кухню неси!

Архангельский прошел в гостиную и налил себе коньяку из бара.

– Вам не предлагаю, вы при исполнении, – сухо бросил он и пытливо уставился на Германа. – Я так понимаю, вместо того чтобы расследовать дело брата, вы приехали допросить его больную жену? – холодно спросил Валерий Сергеевич.

– Мы хотели выразить соболезнование и расспросить о последнем дне полковника! – вскипел майор.

Еле сдерживаясь, Валерий Сергеевич громко откашлялся, затем перевел взгляд на Германа.

– О чем вы хотите с ней поговорить?

– Одним из последних звонков перед смертью был звонок матери. Они проговорили семь минут. Возможно, жена вашего брата знает, о чем был разговор. Ведь после этого звонка ваша мать попала в больницу с инсультом. Позвольте мне поговорить с вдовой. – Герман посмотрел на раздраженного Терентьева и со значением добавил: – Наедине.

Терентьев вскочил и хотел что-то сказать, но Валерий Сергеевич одарил его таким взглядом, что тот мгновенно ретировался.

Поднимаясь на второй этаж, Герман прикинул примерную стоимость коттеджа с ремонтом и материалами. Обрисовалась кругленькая сумма, перевалившая за пару-тройку миллионов. В голове возник вопрос: откуда у полковника такие деньги?

Чиновник подвел Германа ко второй двери.

– Будьте с ней помягче. Она еще не оправилась после похорон.

Валерий Сергеевич тихо постучал в дверь и осторожно ее приоткрыл.

– Елизавета, можно к тебе?

Послышался слабый женский голос:

– Проходи, Валера.

– Со мной человек, которого я дал в помощь следствию, он хочет поговорить с тобой.

В комнате был полумрак, шторы задернуты, свет исходил лишь от ламп на прикроватных столиках. Вдова полковника лежала на кровати, укутанная в тонкое одеяло, плавно очерчивавшее ее полную фигуру. Рядом с ней сидела девушка и мерила вдове давление. Они были похожи, и Герман предположил, что это ее родственница.

– Ну как? – спросил Валерий Сергеевич у молодой женщины и взглядом показал на тонометр.

– Давление высокое. Второй день не можем сбить. Делаем укол, давление снижается, а через час-полтора опять ползет вверх.

Валерий Сергеевич сел в кресло рядом с кроватью.

– Где дети?

– Павел ушел с невестой в кафе. Оля повезла старшенького в больницу, – слабым голосом ответила вдова. – Он притащил в дом какого-то жука, и тот укусил его. Оля стала звонить специалистам, но они успокоили ее, сказали, чтобы она дала ему антигистаминный препарат и наблюдала в течение суток, но ты же знаешь ее, сложа руки она сидеть не будет. Отвезла внука на полное обследование.

– Сколько раз я говорил ему, чтобы не приносил домой ядовитых животных... – проворчал Валерий Сергеевич, но, взглянув на терпеливо ожидающего Германа, осекся.

– Он никак не может смириться со смертью деда. Пусть делает, что хочет...

Валерий Сергеевич тяжело вздохнул и сочувственно сжал ее руку. Затем встал и кивком показал родственнице на дверь. Когда Герман с вдовой полковника остались наедине, он сел в кресло у кровати.

– Сочувствую вашей утрате. По себе знаю, как тяжело терять близких.

– Вы тоже кого-то потеряли? – тихо спросила Архангельская.

– Родителей... три года назад, – признался Герман.

– А сейчас вам легче?

– Нет. Не легче. Не верьте, когда говорят, что будет легче, боль немного притупится, но легче не станет. И все же жизнь продолжается, у вас есть дети и внуки, им нужна ваша любовь и забота. Теперь у них остались только вы.

– Вы правы, – сказала женщина. – Это меня и сдерживает, а то давно бы отправилась вслед за мужем. Никогда не думала, что Леша уйдет так рано. – Она старалась сдерживать подступившие слезы. – Мечтала, что состаримся вместе, вместе и... – Не удержавшись, женщина всхлипнула. – Простите. У вас были вопросы. Я слушаю.

Герман на выдохе выпалил:

– Елизавета Петровна, мы не уверены, что ваш муж покончил с собой.

– Что?! – встрепенулась вдова. – Я говорила Валере: он не мог!

– Успокойтесь, пожалуйста, и постарайтесь ответить подробнее на мои вопросы, какими бы странными они вам ни показались.

Женщина кивнула и посмотрела Герману прямо в глаза.

– Елизавета Петровна, расскажите мне про мать вашего мужа. Какие у них были отношения с Алексеем Сергеевичем?

– А при чем тут его мать? – Голос вдовы из болезненного стал уверенным и требовательным.

Она привстала на кровати и, взвив подушку, прильнула спиной к деревянному изголовью. В ее изменившемся облике Герман сразу распознал властную женщину и почувствовал, что

вся семья держится именно на ней. Все, что происходит в этом доме, происходит только с ее одобрения.

– Не ладили они, если им нужно было что-то обсудить, посредниками выступали мы с Валерой, но чаще я. Муж рассказывал, что это у них с детства. Его в основном воспитывала бабушка. Отец умер рано от рака желудка, поэтому я так тщательно следила за его здоровьем. Серафима Павловна, так зовут мою свекровь, замкнутая женщина. Говорят, она не всегда была такой. Ее сестра, ныне покойная, рассказывала, что именно после рождения Алексея она сильно изменилась, перестала общаться с родственниками, друзьями, соседями.

– Ваш муж часто звонил ей?

– Никогда. Меня она могла выслушать, а когда начинала говорить с ним, то будто на пустом месте искала причину для конфликта.

– А с Валерием Сергеевичем она так же себя вела?

– Нет, что вы! У них прекрасное взаимопонимание.

– Почему же такое разное отношение к детям?

– Не знаю. Это загадка. Леша говорил, что сошел бы с ума, если бы не его бабушка. Она его забрала, когда ему исполнилось восемь лет. Он всю жизнь пытался что-то доказать матери, учился хорошо, окончил институт, хотя учеба давалась ему очень тяжело, но свекрови, насколько я знаю, было все равно. Как не любила Лешу, так и... – Елизавета Петровна недоговорила, но смысл был понятен.

– А когда умер его отец? – спросил Герман.

– Когда Алексею исполнилось семь лет. Их отношения с матерью после смерти отца совсем испортились, она стала его бить. Леша как-то рассказал мне, что постоянно ходил с синяками, а чтобы пацаны в школе не дразнились, придумал, что занимается боксом.

– Где они жили?

– В Зеленограде, но два года назад мать переехала к Валере. Так что теперь он о ней заботится.

– Мы проверили звонки в день убийства вашего мужа и выяснили, что последний звонок он сделал матери. Они проговорили семь минут.

На лице женщины отразилось искреннее удивление.

– У вас есть предположения, о чем они могли разговаривать?

– Даже не представляю, – покачала головой вдова. – Не знаю, о чем Леша с ней мог говорить, но о чем бы они ни говорили, будьте уверены, разговор закончился скандалом.

– Ее инсульт, – напомнил Герман и огляделся вокруг. – Извините, но я должен спросить. Я знаю, что никакой зарплаты полковника не хватит на такой дом. Откуда у вас такие средства?

– Мы часто слышим этот вопрос. Я получила наследство от дальней родственницы. Пока не пришло письмо от нотариуса, в котором было сказано, что я ее единственная наследница, я даже не знала о ее существовании.

– Сколько же она вам оставила? – не удержался от вопроса Герман и тут же упрекнул себя за бестактность.

– Много, – уклончиво ответила вдова. – Мы купили землю. Леша всегда мечтал построить дом по собственному проекту. Купили две машины, квартиры детям.

– Откуда же у вашей родственницы такие деньги?

– Она владела антикварным салоном в Екатеринбурге, который перешел ей по наследству от деда. Мы наняли эксперта из Москвы, и он нашел покупателя, который выкупил магазин со всем имуществом. Уже потом мы узнали, что истинная стоимость коллекции была куда больше полученной нами суммы, но мы рады были и тому, что получили, – сказав последнюю фразу, женщина опять нахмурила брови, спустилась на матрас.

– Как зовут эту вашу родственницу?

Видимо, на последнем вопросе наступил предел терпения, Архангельская требовательным тоном произнесла:

– Я чувствую, что у меня снова повышается давление. Давайте на этом закончим разговор. Всю необходимую информацию о наследстве вы можете получить у Валерия Сергеевича.

– Спасибо, Елизавета Петровна. Еще раз примите мои соболезнования, – вставая, произнес Герман и покинул спальню.

Терентьев и водитель Архангельского смотрели на кухне чемпионат по футболу и умиляли чипсы. Валерия Сергеевича поблизости не было.

– Да куда тебя несет-то! А?! – вскочил Михаил, глядя на экран телевизора. – Бежит, как ослица на сносях! – увидев спускающегося по лестнице Германа, майор спросил: – Ну что, поговорил?

– Да, только перекинусь парой слов с Валерием Сергеевичем, и поедем.

– Он в беседке, – подсказал водитель.

Герман вышел из парадной двери и обогнул дом. У небольшого пруда рядом с деревянным мостиком располагалась восьмиугольная беседка. Завидев его, Валерий Сергеевич со злостью выпалил:

– Куда вас понесло? Неужели так необходимо копаться в ее наследстве?

Стало понятно, что вдова уже успела пожаловаться. Герман бросил на чиновника укоризненный взгляд. Тот отмахнулся и буркнул:

– Докладывайте.

– Я приведу факты, которые показались мне подозрительными, а уж с выводами...

Валерий Сергеевич торопливо кивнул, и Герман продолжил:

– Тридцатого марта некая Надежда Сорокина принесла в Центр молекулярной генетики двадцать восемь образцов ДНК для проведения анализа на отцовство. Уточняя, один отец и двадцать восемь детей.

Глаза Валерия Сергеевича от удивления расширились.

– Через несколько дней она устраивается в Следственное управление на мелкую для нее должность рядового бухгалтера, а через четыре дня полковника просят пройти в комнату для допросов. Пока он беседует наедине с задержанным Роговым, по делу которого проходят два десятка убитых и предположительно столько же отпущенных им женщин, в кабинете полковника кто-то, вероятно, та же Сорокина, оставляет конверт. Мы выяснили, что в таких конвертах выдают результаты анализов на отцовство.

– Не понял... – прервал Валерий Сергеевич Германа, – зачем моему брату нужны были эти анализы?

Герман покачал головой, выражая сомнение по этому поводу.

– После беседы с Роговым ваш брат находит конверт у себя на столе, после чего идет на служебную стоянку, садится в свой автомобиль и звонит матери. Со слов его вдовы, да вы, наверное, и сами знаете, он с ней практически не общался. Все вопросы между ними улаживали, в основном, жена и вы. Но в тот день полковник сам позвонил ей. После разговора Серафима Павловна попадает в больницу. Но самое интересное, что «скорую» ей вызвали еще до того, как она узнала о смерти сына.

– Вы уверены? – Валерий Сергеевич побледнел.

– Абсолютно. – Герман твердо смотрел ему в глаза. – Терентьев это проверил.

Валерий Сергеевич отвел взгляд и, задержав его на своих подрагивающих руках, тихо выговорил:

– Продолжайте...

Герман кивнул.

– После чего полковник якобы стреляется, а Сорокина в этот момент находится где-то рядом с машиной. Она утверждала, что видела, как он сидел в машине и говорил по телефону. Распечатка звонков ее показания не подтверждает. Через неделю после происшествия Сорокина увольняется, мотивируя это тем, что у нее подорвана психика после увиденного, а дальше исчезает. Мобильник отключен, по указанному в личном деле адресу она не проживает. Данные о работе мужа оказываются липовыми.

– По вашим словам выходит, что Сорокина причастна к убийству, и маньяк – биологический отец Алексея?! – воскликнул Валерий Сергеевич. – Но это же... простите... бред!

– Я еще не знакомился с делом Рогова, просто пробежался по протоколам допросов, но тут все проще простого. Он обвиняется в похищении и неоднократном изнасиловании нескольких десятков женщин. Он их удерживал по два-три месяца, пока они не беременели. Дальше действовал по принципу: есть беременность, ты свободна, нет беременности – смерть. Это дело не такое простое, как кажется на первый взгляд.

– Что вы имеете в виду?

– Зачем ему такое количество детей? Для него это не просто спортивный интерес. Он настаивал на сохранении ребенка, а как бы он узнал о дальнейшей его судьбе, если бы не следил за ним? Ни одна из женщин не подала заявления в милицию после того, как он их отпускал. Он не оглашает список своих отпущенных жертв. Они ему дороги. Это его тайна. Пока мы не выведем маньяка на чистую воду со всей его подоплекой и мотивацией, мы не раскроем дело вашего брата.

Наступила тишина. Валерий Сергеевич закинул голову и уставился на звездное небо. Теперь, когда он узнал об анализе ДНК, все встало на свои места. Если их мать стала жертвой насильника много лет назад, вследствие чего на свет появился его брат, то это объясняет ее поведение и отношение к Алексею. Она любила и ненавидела его одновременно. Страшно подумать, что творилось у нее в голове, когда она смотрела на собственного ребенка. Он жалел свою мать, отца и ни в чем неповинного брата. Теперь ему стало понятно, почему мать так часто плакала по ночам в своей комнате.

– Хорошо, – наконец подал он голос, – я понимаю ход ваших мыслей, но при чем тут Лиза и ее наследство?

– Это лишь предположение. – Герман потушил сигарету.

– И все же! – настойчиво произнес Валерий Сергеевич.

– А что если Елизавета Петровна не была на самом деле родственницей женщины, которая оставила ей наследство? Ведь, по ее словам, она даже не знала о ее существовании. Что если наследство было фикцией?

– Как это? Зачем кому-то по собственной воле расставаться с таким количеством денег? – удивился Валерий Сергеевич.

– Может быть, деяния Рогова пошли дальше оплодотворения и наблюдения за детьми со стороны? Возможно, он таким образом обеспечивал своих потомков. Нашел богатую и одинокую женщину в том же городе, где родилась и выросла Елизавета Петровна, и устроил так, что наследство ушло к ней.

– Допустим, вы правы, тогда почему все так сложно? Почему не дать деньги самому Алексею?

– Полагаю, на его решение могло повлиять то, что ваш брат был силовиком. Рогов понимал, что большое наследство привлечет внимание со стороны его ведомства.

– Возможно, вы правы, – задумчиво произнес Валерий Сергеевич. – Если... я повторяю, если предположить, что это правда. Вы думаете, мой брат, узнав правду, застрелился?

– Рано делать выводы, но... Поговорив с матерью, он мог поддаться эмоциям. Начальник следственного отдела по особо важным делам – биологический сын маньяка! Наследство получено из рук маньяка! Что ему делать? Пойти к начальству, рассказать обо всем и тем самым

лишить себя будущего? Как после такого смотреть в глаза детям и жене? Ведь он им даже не позвонил. Возможно, ваш брат испытал сильнейший стресс, стыд, даже страх...

Валерий Сергеевич схватился за голову, и Герман дал ему минуту, чтобы осознать услышанное.

– Но есть и другая версия, – продолжил Герман после паузы. – Возможно, маньяк раскрыл ему свои карты. Признался, что он его отец, и сказал, что по возвращении в свой кабинет он получит доказательство в виде анализа ДНК. А после этого, предположим, потребовал что-то, пригрозив раскрыть его происхождение. Ваш брат отказался, и тогда его убили, симитировав самоубийство.

На Валерия Сергеевича без содрогания нельзя было смотреть. Вся его начальственная осанка куда-то пропала, как скинутое одеяло, обнажая растерянного, придавленного несчастьями человека.

– Но как? – справившись с эмоциями, Валерий Сергеевич посмотрел на Германа покрасневшими глазами. – Окна в машине были закрыты... стреляли внутри... на пистолете... его отпечатки. А кроме брата в машине никого не было.

– Все просто. Выстрел, который слышали все, мог быть произведен, когда ваш брат был уже мертв.

– Вы можете это доказать? – с еле уловимой надеждой в голосе спросил Валерий Сергеевич.

– Необходимо провести следственный эксперимент.

– Зачем?

– Из протокола баллистиков ясно, что выстрел был произведен в упор, и стекла в машине были подняты, что должно было приглушить звук выстрела. Табельный «Макаров» не самое громкое оружие, и в здании выстрела не должны были услышать, даже если бы и услышали хлопок, то не опознали бы его как выстрел. А что мы имеем на деле? Выстрел слышали все в Управлении.

– Кто же тогда стрелял?

– Думаю, Сорокина, но у нее мог быть и сообщник. Они могли застрелить вашего брата, когда на стоянке никого не было, а потом, дождавшись первого свидетеля, сделать вид, что она только что вышла из своей машины.

– Ясно. – К Валерию Сергеевичу вернулось самообладание. – Могу я чем-то помочь?

– Нужно объявить Сорокину в федеральный розыск. Просмотреть все записи с видеокamer в радиусе пятисот метров от стоянки, а для этого необходимы ордера.

– Не проблема.

– Необходимо перетрясти все дело о маньяке. Не могу понять его мотивов, а значит, мы что-то упустили.

Валерий Сергеевич кивнул.

– Попрошу вас информацию об анализе ДНК держать пока в тайне. Когда раскроете дело, я решу, что с этим делать.

– А как же Терентьев? У него есть начальство, – напомнил Герман.

– Начальство я беру на себя. А вы все уладьте с Терентьевым. Он был другом Алексея. А теперь, если позволите, я хотел бы остаться один.

В номере отеля Герман завалился на кровать. Закрыв глаза, прокрутил в голове все установленные факты по делу Архангельского и накидал план действий. Потом вспомнил про шефа и набрал его номер.

– Buenas noches, señor².

² Buenas noches, señor (исп.) – Добрый вечер, сеньор.

– Добрый, – снисходительно произнес охрипшим от сна голосом генерал и тут же поинтересовался: – Ну, славно потрудились в первый день?

– Похвастать пока нечем.

– Скромняга. Мне уже доложили, что Валерий Сергеевич поднял в прокуратуре невообразимый шум по делу своего братца. СК гудит, как улей.

– Быстро он, – заметил Герман.

– Ты мне вот что скажи. – Генерал сделал короткую паузу. – Думаешь, полковник не сам это сделал?

– Есть такое подозрение, – уклончиво ответил Герман.

– Ну, подозрение – это уже что-то, – задумчиво произнес генерал. – Вчера и этого не было.

– Шеф, мне нужна машина. Не хочу, чтобы за мной, как за красной девицей, приезжали в отель каждое утро. По большому счету, мне нужно переехать в квартиру... и как можно быстрее.

– Что, творческого беспорядка не хватает?

– Именно так.

– Подберу я тебе квартиру. Хотел как лучше, а ты – как всегда.

– Не могу работать в такой обстановке. Представьте, что будет с горничной, если я развешу фотографии жертв маньяка по всему номеру? Есть прямая связь Рогова с Архангельским, так что... – не договорив, Герман резко сменил тему: – У меня еще одна просьба. Я бы хотел узнать адресок моих девчонок. Звонил по старым телефонам, трубку никто не берет.

– Вся необходимую информацию я послал в отель. Тебе должны были уже принести конверт.

– Пока не принесли. Не томите. Что там? – Не услышав ответа, Герман спросил: – Шеф, вы еще тут?

– Да, – послышался тяжелый вздох. – Не хотел тебя огорчать, но ты все равно узнаешь. Лера вышла замуж.

Герман прикрыл глаза, чувствуя, как защемило сердце. Он предполагал, что подобное может произойти, но этот день почему-то виделся в далеком будущем.

– Ее муж – директор завода, акционер двух банков. Несколько домов здесь и где-то на Сардинии. Если хочешь, я перешлю тебе о нем всю информацию.

– Не надо. Я просто хотел увидеться с Катей.

– Она сейчас в детском санатории во Франции.

– Во Франции? Одна?

– Нет, с гувернанткой.

– Крутые перемены.

Под дверь просунули конверт. Встав с кровати, Герман поднял его с пола и распечатал.

– Видимо, доставили мое послание, – предположил генерал, – будут вопросы, звони.

– До связи. – Герман откинул телефон на кровать.

В конверте оказались фотографии его бывшей жены, дочери и мужчины лет сорока пяти. Снимки были сделаны в разное время года, это означало, что шеф периодически подключал специалистов для сбора информации. На всех фото Лера светилась от счастья. Видимо, решил Герман, жена действительно полюбила и была счастлива. Но дочь выглядела безрадостной и немного растерянной, отчего у Германа сжалось сердце.

Глава 2. Метка Паука

На следующий день ровно в девять утра майор позвонил в номер Германа.

– Я внизу, в холле. У нас мало времени, нужно ехать на допрос Кристины Низовой – последней жертвы Паука.

– Ты же сказал, что она не в состоянии говорить.

– Полчаса назад позвонил ее муж, сказал, что она готова дать показания.

Не выспавшийся и угрюмый Герман спустился в холл. Двое охранников встали навытяжку, и Герман понял, что за ним все еще присматривают. На ходу он фиксировал все действия персонала: один охранник бросает мимолетный взгляд на часы, его рука машинально потянулась к рации. Как только Герман выйдет из здания отеля, в Управление отправят сообщение, что он уехал на серебристом «опеле», указав точное время и номер машины.

– Герман Всеволодович! – Мужская рука дотронулась до его плеча. Герман резко обернулся и увидел парня в форме посыльного. – Вам посылка!

Поблагодарив, он взял небольшую коробку, распечатал и вынул мобильный телефон. В коробке была записка от шефа: «Он тебе понадобится. Я дал твой номер всем заинтересованным лицам».

Старенький «опель» Терентьева стоял перед входом в отель, негромко урча работающим двигателем. Когда Герман сел в машину, майор резко нажал на газ и выехал на Тверскую.

– Что сказал муж потерпевшей? – хмуро спросил его Герман.

Майор бросил на напарника пронзительный взгляд и спросил:

– Тебе что, вчера выпивки не досталось?

– Да нет, полный бар, а что?

– Злой ты сегодня.

– Не злой, просто не выспался. Размышлял над делом.

– О-о! Нашего полку прибыло. Звони, если что. Вместе будем размышлять.

Через полчаса они вошли в больничную палату. Молодая красивая женщина полулежала в кровати, ее левая нога была в гипсе на вытяжке. Рядом с ней сидел мужчина лет пятидесяти и что-то вполголоса внушал. Увидев следователей, он резко вскочил, будто его застали за чем-то неприличным.

– Здравствуйте, Кристина, – поприветствовал потерпевшую майор.

– Доброе утро, – тихо ответила Низова и перевела взгляд на мужа: – Дорогой, ты не оставишь нас на минутку?

Он ответил ей понимающим взглядом и вышел.

– Задавайте свои вопросы, – сказала Низова.

Терентьев включил диктофон.

– Расскажите все по порядку. Как вас похитили? Что происходило до момента, когда вас освободили?

– Это же были вы. Держали мою руку, когда меня выносили из подвала.

Майор подтвердил и замер в ожидании. Женщина тяжело вздохнула и начала рассказывать:

– Вы, наверное, уже знаете, что похитил он меня на стоянке у салона красоты. Я завела машину, не успела тронуться, как в салон садится мужчина... – Кристина запнулась, сделала глоток воды, – ...уперся ножом в бок и говорит, чтобы я не дергалась и делала все, что он скажет. Я умоляла его отпустить, но он только распялся. Поэтому я подчинилась, и постепенно похититель успокоился. Мы выехали за МКАД, проехали около двадцати километров по Егорьевскому шоссе, после чего он приказал свернуть на проселочную дорогу и ехать еще два километра. М-м-м... – Она простонала и потерла виски. – Там стоял фургон зеленого цвета,

номер не разглядела... – Лицо Кристины исказилось в мучительной гримасе, она словно заново переживала тот ужас. – Похититель связал мне руки, залепил пластырем рот, забрал сумочку и, проверив все карманы, запер меня в фургоне.

– Вашу машину нашли в другом месте.

– Да, муж мне сказал. Может, он потом на ней возвращался.

– Так рисковать?

Она пожала плечами, снова сделала глоток и продолжила:

– Потом мы ехали очень долго. Он нигде не останавливался. Привез меня уже глубокой ночью в тот кошмарный дом... в тот подвал! А потом... потом...

Она начала задыхаться, Михаил поспешил ее успокоить:

– Все уже позади. Я знаю, через что вам пришлось пройти.

– Нет, не знаете! – вспыхнула она. – Вы ничего не знаете! Я прошла через ад! Вы себе такого и в страшном сне представить не сможете! – Она закрыла лицо ладонями, приглушая сдвоенные рыдания.

Терентьев не знал, что ответить. Он растерянно посмотрел на молчаливого Германа, тот еле заметно покачал головой, что можно было расценить как «не дави на нее».

– Когда он втащил меня в тот подвал, – продолжила Кристина после паузы, – я обомлела. Там все было в точности так, как я хотела сделать в нашей гостиной. Где-то за месяц мы говорили с мужем на эту тему, я даже наняла дизайнера! Обои, шторы, мебель – он все знал обо мне! Вы понимаете?! Что я люблю из еды, какое вино предпочитаю, любимые духи, фильмы, книги. Он даже... – Кристина сжала кулачок, стараясь окончательно не расклеиться, – ...сказал, что подарит мне дочь, и я назову ее, как и хотела... Марией.

– У вас есть предположения, откуда он все это узнал?

– Я спросила его, – ответила Низова, – и получила первый урок. Он ударил меня. Я упала на кровать. Тогда он сказал, чтобы я никогда не задавала ему глупых вопросов. В первую же ночь он меня изнасиловал. – Она закрыла на мгновение глаза, губы подрагивали. – Но сначала был ужин при свечах, а на столе лежала такая же скатерть, как у нас дома! После ужина он сказал, что не нанесет мне никакого вреда, если я буду делать все, как он скажет. Затем пошел наверх, принимать душ, и, когда спустился, от него пахло туалетной водой, которую я перед похищением подарила мужу. Теперь даже не представляю, что со мной будет, если я снова уловлю этот запах. – Она сделала глоток воды из стаканчика, который по-прежнему сжимала, и неожиданно спросила у Германа: – Вы же не отпустите его?!

– Нет, – коротко, но твердо ответил Герман.

– Он начал обнимать меня, нашептывать слова, которые мне часто говорил муж... Он... будто хотел подменить его, заставить меня поверить, что я дома, со своим мужем. Говорил, что я буду самой счастливой женщиной на свете. Что у нас будет ребенок... Я... чуть не поверила! Но потом... очнулась. – Кристина уже не могла сдерживать себя и зарыдала навзрыд.

Следователи быстро переглянулись, и Терентьев мягко спросил:

– Что было дальше?

Кристине потребовалось время, чтобы прийти в себя. Через несколько минут всхлипы стали редкими, и она продолжила:

– Все смешалось... я потеряла счет дням. Он куда-то часто уезжал, а меня приковывал к кровати, я не могла даже сходить в туалет. Какие-то вечера проводил со мной, но когда уезжал, снова приковывал... Со временем я поняла, что выхода у меня нет, и стала подыгрывать ему. Говорила то, что он хотел услышать, не задавала вопросов, и секс... когда бы он ни захотел. За каждый день, проведенный без пререканий, я получала подарок. Это были мои вещи: пижама, обручальное кольцо и даже детские фотографии. Я подумала, что он бывает в нашей квартире, и надеялась, что его застанут муж или домохозяйка или, по крайней мере, заметят пропажу

вещей. Но оказалось, он собрал мой чемодан заранее и устроил все так, чтобы муж думал, будто я сбежала. Поэтому Игорь не сразу обратился в милицию.

– Да, мы знаем, – негромко подтвердил Герман, – пропавший чемодан указан в его заявлении.

– Как-то похититель сказал, что необходимо скрепить наши чувства, и нагрел зажигалкой печатку, которую носил на правой руке. Он прижег этой печаткой мне за ухом и сделал татуировку. – Кристина откинула волосы, обнажая шею и рельефную татуировку паука.

– Кольцо он всегда носил с собой? – спросил Герман.

Низова кивнула и вытерла платком глаза.

– Когда он понял, что я не забеременела, принес календарь и стал помечать дни моего цикла. Каждый день я с ужасом ждала дня расплаты. Его это особенно забавляло. Наблюдать, как я сходила с ума. Прошло три месяца, он принес с собой большую мохнатую паучиху, сказал, что дал ей имя Индра. Если она сядет ко мне на живот, то я обязательно забеременею. Я умоляла его этого не делать, боюсь пауков с детства, но он только приходил от этого в бешенство. Наконец я согласилась, только бы поскорее все это закончилось, он положил эту мерзость мне на живот. Она ползала по мне несколько минут... потом остановилась на левой ноге. Он обрадовался, типа, Индра произнесла свое пророчество. Снял ее с меня и сказал, что сегодня наш последний день вместе. Говорил так патетично и свысока, что я сразу почувствовала: он меня не отпустит. Напоследок он сказал, что у меня никогда не будет детей, а значит, я недостойна жизни. После секса он принес молоток и сильно ударил меня по ноге. Если бы не приехала милиция, он бы убил меня. – Кристина снова заплакала.

– Вы не знаете, что это была за разновидность паука? Может, он называл? – спросил Герман.

Терентьев бросил на напарника укоризненный взгляд.

– Да, говорил. Птицеед, – тихо ответила Кристина.

– Последний вопрос, – дождавшись ее кивка, Герман спросил: – Как вам удалось воспользоваться его мобильным телефоном?

Женщина нервно сглотнула, обвела следователей испуганным взглядом. Герман уловил ее смятение и следил за каждым ее жестом. Что-то его настораживало, но он никак не мог понять причину.

– Он никогда не приходил с телефоном, всегда оставлял наверху. Но однажды забыл его в куртке, и, когда пошел в душ, я услышала виброзвонок, нашла телефон и послала мужу сообщение. Звонить побоялась. Похититель мог услышать мой голос, и тогда бы меня уже никто не спас.

– Спасибо, Кристина, но если вспомните еще что-нибудь, позвоните. – Майор протянул ей свою визитку.

Терентьев улыбкой попрощался с Кристиной и вышел из палаты. Муж стоял у самой двери и, судя по позе, подслушивал их разговор. Его лицо было таким растерянным и бледным, что Терентьев не удержался и спросил:

– Ну и зачем вам нужно было это слышать?

– Я должен знать, что с ней произошло, а иначе как я ей помогу?! – разгоряченно выпалил муж.

– А вам кто поможет? – подхватил тему Герман.

Он подметил, что расследование так его увлекло, что Легенда отступила в глубину его сознания и уже вторые сутки не дает о себе знать. Это было хорошим знаком, значит, его мозг, выстраивая вереницу улик, анализирует, куда может вывести та или иная ниточка, помогая тем самым сконцентрироваться на настоящем и забыть о болезненных воспоминаниях.

Вернувшись в Управление, напарники разложили на столе материалы дела. Терентьев убрал с доски маршруты передвижений полковника и распечатки звонков. Нашел в деле фото татуировки, которую сделали эксперты еще при первом осмотре Низовой, и повесил его на доску.

– Это первая подобная татуировка в деле? – спросил Герман.

– Нет, – ответил майор и снова зарылся в бумагах.

Через несколько минут на доске уже висели девять фотографий с идентичными татуировками.

– Как на лошадях тавро ставил, – с холодной злостью произнес Герман.

– Метка Паука, – отозвался Терентьев. – Раньше такие тату мы находили только на трупах.

Изучая фотографии, Герман подумал, что перстень – это улика номер один. Именно он связывал убийцу с жертвами, а значит, его должны были непременно приобщить к делу и исследовать эксперты.

– Перстень, которым он прижигал, в уликах?

– Нет. При задержании кольца на нем не было.

– Как это?

– Ни на нем, ни в доме его не было, – повторил Терентьев.

Герман нахмурился, между бровями пролегла глубокая складка.

– Вряд ли кто-то целенаправленно искал перстень.

– Повторяю, перстня там не было, но если ты сомневаешься, поезжай сам на место преступления. – Майор сложил руки на груди. – Софиев тебя отвезет.

– А ты не поедешь?

На этот раз в Германа полетел разгневанный взгляд.

– Сегодня будут проводить следственный эксперимент. Напомни, чья это была идея? Но это еще не все. Собрали записи со всех камер в радиусе пятисот метров. Тоже твоя идея? Кому-то теперь придется все это просматривать!

– Так вот как ты думаешь! – Герман усмехнулся. – Пришел какой-то умник, понимаешь ли, и давай тут всех учить, как нужно работать!

– Ты забыл добавить: «Пришел из санатория, из которого еще никто к работе не возвращался».

Терентьев был прав: из заведения, которое было указано в его деле, на прежние должности не восстанавливали и тем более не доверяли проводить ответственное расследование.

– В дело мое нырнул? – догадался Герман. – Ладно, майор, поеду в логово Паука. Зови Софиева.

– Я твое дело не поднимал. Кто я для твоего Управления? Шавка, лающая на слона! Это – шеф, после звонка Валерия Сергеевича, – ответил Терентьев, снимая трубку рабочего телефона, и, услышав голос помощника, добавил более дружественным тоном: – Рома, зайди ко мне.

Через три минуты Софиев заглянул в кабинет, атмосфера в котором накалилась до предела. Терентьев протянул ему ключи от своей машины и официальным тоном выдал:

– Отвези Германа Всеволодовича в Наро-Фоминск.

За три года Герман успел отвыкнуть от местного трафика. Он не предполагал, что до места преступления придется добираться почти четыре часа. Дороги были забиты автомобилями, а каждый метр давался буквально с боем. За рулем Софиев то и дело прикрикивал через открытое окно, подрезая, сигналивая и втискивая автомобиль в едва освободившееся место.

– Пятница, – ворчал Роман, – все на дачи рванули.

– А спецсигналов у вас нет? – с надеждой спросил Герман.

– Нет, нам не положено.

В окна то и дело врывается какофония дорожных звуков. Водитель с соседней полосы начал что-то втолковывать лейтенанту. Но Софиев не сдавался, усердно нажимал на сигнал, не собираясь уступить и пяди отвоенного участка асфальта.

– Дурдом, – мрачно резюмировал Герман, набирая номер Терентьева.

– Нет по Сорокиной ничего, – отрезал тот и разъединил связь.

«Он что? Экстрасенс? – Герман мысленно хмыкнул. – Видно, попало ему вчера за дело Архангельского».

– Что-то Миша не в духе. – Герман со стоном вытянул затекшие ноги.

– Вчера вечером было совещание у Логинова, – намекнул Софиев.

– Разбор полетов прошел на критической высоте?

Бросив осторожный взгляд на Германа, Софиев кивнул.

– Вроде того...

До Киевского шоссе они добирались около часа, зато оставшиеся десять километров пролетели очень быстро.

– Подъезжаем! – кивнул Софиев на показавшиеся впереди почерневшие от времени деревянные дома. – Деревня почти заброшена. Раньше, говорят, дворов двести было.

– А сейчас одни развалины, – с сожалением произнес Герман, глядя на покосившиеся постройки.

Они подъехали к одной из таких развалюх. Казалось, почерневшие бревна сруба вот-вот распадутся. Крыша уже местами обвалилась, практически во всех окнах отсутствовали стекла. Забор, отделявший участок с одной стороны от извилистой обмелевшей речки, с другой – от недавно вспаханного поля, держался на честном слове, а кое-где уже повалился и гнил в застоялых лужах.

Внимательно осмотрев дом снаружи, Герман понял, что Рогов выбрал его не случайно. Отдаленное глухое место, отсутствие асфальтированной дороги давали гарантию, что сюда не заедут даже случайные гости. Единственное строение рядом – заброшенная слесарная мастерская, вокруг которой были разбросаны проржавевшие тракторные детали.

Дом был опечатан и огорожен милицейской лентой. Подойдя ближе к двери, Софиев показал на сорванную пломбу на калитке. Рядом стояла милицейская «девятка», но в машине никого не было. Герман усмехнулся: зачем срывать пломбу, когда на участок можно проникнуть через покосившийся забор?

Уже темнело, когда Герман поднялся по скрипучим ступеням, которые явно недавно ремонтировались, и вошел в тесную прихожую. Щелкнул выключателем, но тщетно. Включил фонарик и посветил вверх. На потолке висела одинокая почерневшая лампочка. Свет фонаря замигал, и Герман выругался.

– Рома! Есть фонарик?

Лейтенант вошел в прихожую, сунул руку в щель между зеркалом и стеной, и через секунду зажегся светильник за карнизом зеркала. Из-под ног врассыпную разбежались тараканы. Герман отскочил, чертыхнулся и шагнул на лестницу. Недавно струганные доски на ступенях, видимо, готовились под настил линолеума, который рулоном лежал у порога.

Стоило Герману спуститься в подвал, сразу стало ясно, что маньяк готовил свое логово не один месяц. Стены обиты гидроизолирующей пленкой и толстым слоем войлока, а поверх него смонтированы двойные листы покрашенного гипсокартона, на котором крепилась лепнина из полиуретана.

– Все продумал. – Герман постучал по стене. – Здесь, наверное, можно обкричаться, и все равно никто не услышит.

– Расчетливый мерзавец, – в тон ему ответил Софиев.

Большая комната была поделена перегородкой на две части. С одной стороны это была гостиная и столовая, с другой – спальня. Стены были выкрашены в серо-голубой цвет, на полу дубовая доска. Витражный потолок в гостиной был сделан из матового стекла и имитировал солнечный свет. Мебель была преимущественно белого цвета. А точно направленный свет подчеркивал картины и предметы интерьера, которые были, как конечные аккорды, ярких и сочных цветов.

– Как съемочная площадка фильма ужасов, – сказал Софиев и показал на наручники с длинной цепью, висящие с двух сторон кровати, – или порнофильма.

Рассматривая на полу пятна крови, Герман подумал, что, видимо, здесь маньяк и ударил Кристину молотком по ноге.

– Рома, дай-ка мне фотографии с места преступления.

Софиев открыл папку с протоколом осмотра помещения и вынул фотографии. Герман взял одно фото и прошелся вдоль стены.

– Здесь стоял видеомонитор, – вслух рассуждал он, указывая на белую тумбу с телевизором. – Он в уликах?

– Ща гляну, – ответил Софиев. – Вот, есть. Его, это... эксперты взяли.

– А пленки были?

– Смотрим. – Софиев пролистал записи и изрек с видом глашатая: – Видеокассеты были, но только с фильмами. Тут даже список есть. Зачитать?

Герман помотал головой и продолжил осмотр. Цепкий взгляд ощупал стену напротив кровати, в глазах вспыхнул огонек.

– Говоришь, как на съемочной площадке? А ведь ты прав, Рома, это и есть съемочная площадка.

Заглянув за тумбу, он увидел провод, торчащий из стены. Судя по фотографиям, тот вел к видеомонитору, который стоял рядом с телевизором. Дернул провод что есть силы, отделил его от стены до лепной розетки. Герман встал на тумбу и ощупал рельефную поверхность, приклеенную под фризом стены. В центре декоративного цветка виднелись места соединения. Герман попытался расшатать их, но ничего не получилось. Софиев тут же пришел на помощь, взялся за провод и рванул во всю силу. Розетка сдвинулась, раскрошилась, а из цветка выпала микрокамера.

– Иногда надо просто сильно дернуть, – сказал он удивленному Герману.

– А чего ж при первом осмотре не дернул?

– Так не знали про камеру-то.

У Германа так и чесался язык отпустить в сторону работы экспертов пару «комплиментов», но, не имея желаний нагнетать атмосферу, сдержался.

– Не знали они... – Герман задумчиво осмотрел микрокамеру. – Необходимо провести повторный осмотр места преступления. Звони Терентьеву, пусть пришлет технарей, только на этот раз толковых.

Софиев попытался позвонить, но, взглянув на дисплей телефона, сказал:

– Связи нет. Пойду наверх.

Герман в недоумении смотрел на поднимающегося по лестнице Софиева и прокручивал в голове слова Низовой: «Однажды он забыл мобильный телефон в куртке, и, когда пошел в душ, я услышала слабый виброзвонок...»

«Как же ты его услышала, если здесь сигнал не ловит?» – подумал Герман и стал ходить с телефоном по всему подвалу, фиксируя уровень принимаемого сигнала. Проверив все помещение, он убедился, что в подвале сигнал сотовой связи не проходит. Почему солгала Низова? Только в этом, или все было от начала до конца ложью? Где отснятый скрытой камерой материал? Герман решил, что пора подключить шефа.

Он вышел из подвала и увидел, как, притулившись к «девятке», Софиев беседует с коллегой. Заметив Германа, лейтенант громко крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.